

Секс для французов – одна из главных составляющих жизни, без него жизнь немислима, увечна, скучна. А искусство любви отточено и доведено до совершенства. В этой книге раскрываются многие секреты блестящего и утонченного французского эротического искусства.

Франция XVIII века... Изящная и озорная, ветреная и распутная... Вкус к наслаждениям, пусть даже чрезмерным, стремление заключить жемчужину любви в драгоценную оправу смелой фантазии – это изысканный дар Галантного века. Окунитесь в атмосферу роскоши, наслаждения, безудержного веселья и легкого томления. Раскройте для себя секреты блестящего и утонченного французского эротического искусства.

1. Утонченная Франция	2
2. Развлечения высшего света.....	17
3. Маркиз де Сад.....	26
4. Литература и искусство	33

1. Утонченная Франция

Франция, век XVIII... Утонченное наслаждение, сладострастие, блеск, великолепие, роскошь... Век абсолютизма и крайней развращенности... Век просветительских идей и буржуазной революции... Галантный век... Век, в начале которого еще правит Король-Солнце, заканчивается изобретением гильотины. Прекрасный и ужасный век. И именно этому времени мы обязаны укоренившемуся в нашем сознании клише о французском национальном характере — легком, чувственном, темпераментном.

— Oh! Jean...

Я высчитывал: про себя: ну, вот вошла Жермен, она закрыла за собой дверь, они поцеловали друг друга, девушка сняла с себя шляпу, перчатки и положила их на стол, и больше, по моему расчету, времени у них не оставалось. Его не оставалось на то, чтобы раздеться. Не произнеся ни одного слова, они прыгали в своих простынях, как зайцы. Постонав, они помирали со смеху и лепетали о своих делах».

Французские отношения подчиняются множеству неписаных правил. Например, приглашенная в дом француза девушка хорошо знает, что после изысканного ужина ее обязательно соблазнят. Отказ провести вдвоем ночь будет воспринят как оскорбление, и отказ со стороны мужчины девушка сочтет оскорблением для себя. А соблазнять французы умеют. И в этом нет им равных, потому что они хорошо знают, сколько ума, фантазии и искусства нужно вложить в ухаживание за женщиной.

Для французов очевидна прямая связь между сексом и вкушаемой пищей, то есть между постелью и пиршественным столом. Да и обычные продукты французской кухни исключительно сексуальны: устрицы, моллюски, мидии. Эти раскрывающиеся на раскаленной решетке раковины обнаруживают нежную интимную плоть. Прикасаясь к ним губами, мы наслаждаемся солоноватым вкусом древнейших морских продуктов, подобно тому, как наслаждаемся прикосновением к самым чувствительным местам любимого человека.

Культ еды у французов доходит до религиозного фанатизма. Они могут часами обсуждать приготовление какого-либо блюда, смакуя каждый кусочек, вникая в каждый нюанс кулинарной технологии. А уж как аппетитно выглядят на блюде улитки и лягушачьи лапки! Как «свежо и остро пахнут морем на блюде устрицы во льду»! Все потому, что французские повара не только умеют искусно приготовить блюдо, но и так сервируют, что не попробовать его совершенно невозможно. Пирожные, которые вы проглотите за одну минуту, в кондитерском магазине будут долго и бережно укладывать в нарядную коробочку с изумительной ленточкой, изящно завязанной красивым бантиком. Пирожные, известные как «суфле» и «безе», — изобретение французов. Французское слово «суфле» буквально обозначает «дуть». Воздушное, пористое, невесомое пирожное всем своим видом сообщает об изяществе и легкости французского характера. Название «безе» буквально обозначает «поцелуй». Оно тает во рту, оно так же сладко и нежно, как чувствительная плоть француза или француженки, сотканная из множества чутких клеток.

Таковы французы сегодня. А какими они были два века назад? И не в прошлом ли следует искать объяснение некоторым национальным чертам, которые так ярко выражены сейчас? Мне вспоминается французский фильм, который я видел в далеком детстве, — «Фан-Фан Тюльпан». Жизнь Франции начала XVIII века, когда велись войны за испанское наследство, увидена глазами соотечественников. Я плохо запомнил содержание фильма, детская память ухватила только несколько ярких картинок: глубокое декольте и обширные груди Джини Лолобриджида, отвага и напористость героя и сладострастные глаза Людовика XIV. Сознание ребенка выделяет только самое существенное.

Итак, поговорим об эротической истории Франции XVIII века. Наша задача, подозреваю, может осложниться множеством вопросов. Первый из них: что такое эроти-

ка? Второй: отличалась ли эротика Франции XVIII века от современной нам? И еще. Согласитесь, понятие эротики неизбежно вытягивает на свет другие — мораль, нравственность, безнравственность. Как эти понятия соотносятся между собой, как уживаются? Существует ли в действительности шкала, позволяющая измерить степень эротического чувства и не уронить себя в глазах «общественного мнения»?

Наверное, вы согласитесь, что интимные отношения между мужчиной и женщиной без эротического наполнения остаются лишь животным актом. Известный американский психолог Эрик Берн заметил: «Никто не может сказать, что будет утром с людьми, которые совокуплялись, имели коитус или половое сношение. Люди же, которые занимались любовью, скорее всего, будут вместе завтракать». Слова «совокупление» или сугубо научное «коитус» не подразумевают ничего эротического, а вот выражение «заниматься любовью» придает биологическому действию именно эротический привкус. Поэтому не только позавтракать вместе захочется, но и послушать музыку или сходить на выставку. В этом случае все в партнере важно: пластика, голос, манеры, ум, энергичность, напористость или, наоборот, незащитность. В области эротического находится именно то, что создает аромат и вкус во взаимном влечении мужчины и женщины. Сексуальность свойственна и животным, но эротика — только человеку. Эротика — это своеобразная ступенька от сексуальности к любви. Любовь — вершина человеческих возможностей, в ней проявляется дух во всей его полноте и многообразии. Но любовь без эротики невозможна, а эротика не существует без сексуальности. Таким образом, без физического, плотского влечения нет и любви. Для любящего одинаково желанны и тело, и душа. Но если нет влечения к телу, то не привлечет и душа, какой бы возвышенной она ни была. Это горько бывает признать, но ничего не поделаешь, такая природа человека. Теперь попробуем поговорить о красоте. Что такое красота? Дать исчерпывающий ответ, наверное, невозможно. Каждый человек (народ, эпоха) имеет собственное представление о красоте. Но где корни таких представлений? Эрик Берн считает, что наше чувство прекрасного «основывается на наследуемых биологических тенденциях эволюции человеческой расы». Как бы мы ни совершенствовали свой интеллект, мы никогда не освободимся от биологической зависимости. Почему мужчины получают удовольствие от созерцания круглых женских ягодиц? Это инстинкт. Может быть, корни его находятся в той глубокой древности, когда люди использовали форму половых сношений, свойственную животным. Современные мужчины не мудрствуют, и женский зад не потерял для них своей привлекательности и красоты. «Узрев мои ягодицы, которые белизной соперничали со слоновой костью и снегом, он воскликнул:

— Как ты прекрасна! А теперь встань на колени и наклони голову вниз.

Я склонилась вниз головой и грудью, выпятив зад. Он глубоко вонзил в меня свой быстрый и огненный член, а руки его завладели моими сосками».

По той же причине, благодаря инстинкту, соблазнительной может быть и женская походка. Ягодицы, плотно обтянутые юбкой узкой или слегка намечающиеся под драпировкой юбки широкой, при ходьбе чуть-чуть покачиваются, создавая иллюзию изменчивости, загадочности. Это красиво. Другое дело — грубая, невоспитанная походка. Помните, героиня фильма Рязанова «вся скукожилась, как старый рваный башмак, и чешет, и чешет... на работу»?

И, наконец, лицо тоже стало играть важную роль, когда древние придумали позу «лицом к лицу», свойственную, кстати, только людям. Партнер захотел знать, что и как отражается во время полового акта на лице, какое чувство можно прочесть в его чертах, что говорят глаза и губы. В позе «лицом к лицу» мужчина видит и грудь, и живот женщины.

А так как очень важно, что именно перед глазами, то грудь и живот тоже должны быть красивыми, то есть восхищать мужской взор. Но кто может сказать, какая грудь привлекательнее: маленькая, едва намечающаяся, или упругая, такая, которую можно покрыть ладонью, или большая, пышная? Разумеется, тут вкусы расходятся, но одно

ясно, что эта часть женского тела вызывает эротическое чувство. И глаза, и волосы, и запах кожи могут нравиться или отталкивать, призывать к наслаждению или оставить равнодушным. Здесь, по-видимому, кроется загадка индивидуальных предпочтений, почему именно этот человек так притягателен.

Обратим внимание еще на одно обстоятельство. Эротичной может быть и ситуация.

Несовпадение социального статуса партнеров придает интимному общению острый привкус. То же самое можно почувствовать в ситуации опасности или какого-нибудь дерзкого замысла. А каково «заниматься любовью», скажем, на лугу, в цветах и травах? Или на пустынном берегу моря? Нестандартная ситуация может помочь возникновению эротического чувства или разрушить его.

Посмотрим теперь, что говорят словари. Толковый словарь А. Хорнби сообщает: «Эротика — это книги, картины и прочее, что способствует возникновению сексуального влечения». Большой Энциклопедический словарь определяет этот термин очень похоже: «в широком смысле это то, что связано с половой любовью; в более узком — проявление сексуальности в общении, моде, искусстве и т. д.».

Итак, без эротики половые отношения превращаются в животное совокупление. Крайний аскетизм, сознательный уход от эротики или желание представить ее в самом низменном свете является проявлением противоестественного в человеке. Природа наказывает за это людей, делает, по мнению Берна, «фригидными не только их секс, но и их мозги».

Но вот в движении к противоположному полюсу существует ли та черта, та граница, после которой мы можем с отвращением воскликнуть: «Нет!»? Вероятно, все же она есть. Но как ее определить? Она далеко не однозначна для всех. Спросите у своих знакомых женщин: минет — это норма или отклонение от нее? Одни с энтузиазмом подтвердят, что это именно норма, потому что так радостно доставлять удовольствие любимому мужчине и, значит, себе. Другие резонно ответят, что половой член должен проникать именно в «отведенное природой место» и только для воспроизведения потомства. А как думаете вы сами?

Обратимся к истории и увидим: что допустимо у одного народа, в одну эпоху, невозможно в другое время, в другой стране. У каждой эпохи — в зависимости от уровня развития — своя мораль. Монтень в «Опытах» приводит исчерпывающий список примеров, доказывающих, что существуют такие обычаи, которые у нас могут вызывать недоумение или ужас. Забудем сейчас о людоедстве. Например, у одного и того же народа девственницы выставляют напоказ наиболее сокровенные части своего тела, тогда как замужние женщины их тщательно прикрывают и прячут. Целомудрие ценится только в замужестве, девушкам же разрешается отдаваться кому они пожелают. Если сочетается браком купец, все приглашенные к нему на свадьбу купцы ложатся с новобрачной прежде него, и чем больше их будет, тем больше для нее чести и уважения, ибо это свидетельствует о ее здоровье и силе. Существуют народы, где на общее ложе укладываются десять или двенадцать супружеских пар. Есть и такие, где женщины ценятся настолько низко, что всех новорожденных девочек безжалостно убивают, женщин же для своих нужд покупают у соседних народов. Есть народы, где муж вправе продать жену, если она бесплодна. В публичных домах некоторых стран содержатся мальчики и даже заключаются браки между мужчинами.

Мой скромный труд не затрагивает моральный аспект эротического и не дает авторитетных ответов на извечные вопросы «что такое хорошо и что такое плохо». Мой интерес в другом: как и в чем проявляется эротика? Никто не будет спорить, что взаимный интерес мужчины и женщины незыблем. Каждое время вносит, может быть, какие-то свои особенности, но ничего не меняет в главном. Всегда одно и то же, но в разных воплощениях. Ну что изменилось со времени написания Овидием «Науки любви»?

Женщины, знайте себя! И не всякая поза годится —
Позу сумеете найти телосложению под стать.
Та, что лицом хороша, ложись, раскинувшись навзничь;
Та, что красива спиной, спину подставь напоказ.
Миланионовых плеч Аталанта касалась ногами —
Вы, чьи ноги стройны, можете брать с них пример.
Всадницей быть — невеличке к лицу, а рослой — нисколько:
Гектор не был конем для Андромахи своей.
Если приятно для глаз очертание плавного бока —
Встань на колени в постель и запрокинься лицом.

Этим стихам две тысячи лет. Помните мысль Л. Н. Толстого о том, что лес всегда одинаков? Меняются детали, а лес остается таким, каким был в то время, когда он только закладывался.

Человек давно ввел запрет на некоторые свои инстинкты, в том числе и на сексуальность, назвав многие естественные проявления непристойными. Тем самым он защищает Божественное начало, свою бессмертную душу. Но именно при свете отчетливее проступает тень. И прекрасная непристойность победительно пронизывает весь мир человеческого существования. Она надевает веселую шутовскую маску и приходит к человеку. И мы ее с удовольствием узнаем и с радостью принимаем.

Государственная символика Франции весьма красноречива, в ней тоже можно усмотреть эротические черты. Во-первых, Марианна, полуобнаженная француженка с мушкетом в руках, сражающаяся на баррикадах. Скажите, какая еще страна вознесла как национальный символ полуобнаженное женское тело во всей его красоте, молодости и порыве? Или другой, более древний, символ Франции — галльский петух. Он тоже многое может сказать о французах. Петух ассоциируется прежде всего с драчливостью, не так ли? А за что он дерется? За курочек. Этот несомненный щеголь, эстет, красавец, гордо несущий свою голову, увенчанную красным гребнем, вполне мирная и доброжелательная птица. Доброжелательная до тех пор, пока другая, такая же мирная особь не посягнет на его гарем. Вот тут сразу же дуэль, спонтанная, неотвратимая и немедленная. И будьте уверены: свое право на курочек он отстоит. Иными словами, не посрамит своего мужского достоинства. Думаю, что оба символа тоже проливают некоторый свет на характер французов.

Постараемся прочитать нравы Франции XVIII столетия по сохранившимся свидетельствам эпохи — картинам, рисункам, литературным произведениям, документам. Ведь именно в них замаскирован «огонь желания».

Эпоха Короля-Солнца, Людовика XIV (1638-1715), заканчивается, на смену ей приходит период Регентства, затем на престол восходит Людовик XV (1710-1774), а вслед за ним Людовик XVI (1757-1793). Вплоть до буржуазной революции 1789 года во Франции господствует некий политический дуализм. С одной стороны, буржуазия, которая стремится к власти, но еще недостаточно сильна, чтобы обладать ею. Разбогатевшие люди низкого происхождения, естественно, стремятся пробиться в аристократическую среду. Главное средство укрепиться в ней — продемонстрировать свои огромные доходы. Как? Как можно больше тратить денег. Отсюда грубая, кричащая, вопиющая роскошь. С другой стороны, ослабевающий феодализм. Обнищавшая аристократия не могла обходиться без поддержки государственной казны. Король не хотел видеть бедности феодалов и с готовностью создавал для аристократии такие условия жизни, которые не только не уступали зажиточной буржуазии, но и превосходили ее блеском и пышностью.

Абсолютная королевская власть, удерживая, таким образом, в равновесии обе партии, процветала и блаженствовала. Напомним, что такое состояние власти возникло во Франции в конце XVII века и продолжалось вплоть до революции 1789 года. По мнению А. С. Пушкина, все источники сходятся к тому, что в это время «алчность к деньгам соединилась с жаждою наслаждений и рассеянности; имения исчезали; нравствен-

ность гибла; французы смеялись и рассчитывали, и государство распадалось под игровые припевы сатирических водевилей». Приходили в упадок феодальные владения, и дворяне перебирались из своих замков поближе ко двору. Мало-помалу аристократия феодальная стала превращаться в аристократию придворную, которая находила себе хлеб на службе у короля. Монарх же считал своей обязанностью предоставить своим слугам возможность вести достойное их положения существование.

Каких только должностей не было при дворе! И все щедро оплачивались. В одном только Версале их насчитывалось более двухсот. Представьте себе двух аристократов, которые утром в бархатных камзолах со шпагами являлись в спальню короля, чтобы вынести ночную посуду. Специальная группа придворных присутствовала при туалете короля и оказывала ему различные услуги. Одни вытирали короля после принятия ванны, другие его причесывали, третьи подавали ему одежду, четвертые складывали и завязывали ему галстук. Требовались специальные служащие для подачи шаров при игре и такие, которые следили бы за правильной перевозкой королевской походной постели. Королеву тоже окружало множество прислуживающих ей дам, например при одевании и раздевании Ее Величества. Не покладая рук работала надзирательница за постелью королевы. Несколько человек следили за тем, чтобы в королевские покои не проникали сквозняки. Обязанность некоторых придворных всего одна — «всегда быть под рукой». Чем объяснялось сложившееся положение? Король и королева — это совершенно особые лица в государстве. Все, что имело к ним хоть какое-то отношение, было священо, поэтому требовало хорошо продуманного пышного ритуала. Иной боевой генерал получал меньшее жалованье, чем ловкач, близко допущенный к Его величеству. Но все-таки согласитесь, что в такой организации королевского быта есть своеобразный эротический момент. Доступ к обнажению самых важных и величественных особ Франции, скорее всего, очень будоражил кровь подданных. Знание о том, что королям, как и всем смертным, свойственны естественные отправления, сродни причащению к великой тайне. К тому же в спальне королевы или короля при утреннем и вечернем туалете находились придворные обоего пола. У высочайших особ был замечательный предлог для демонстрации обнаженных частей тела — должностные обязанности присутствующих. Глупо, к примеру, скрывать от врача больное место, которое надо лечить. Допущенные к интимным подробностям царственных лиц придворные испытывали священный трепет от близости к великим.

Высокопоставленных придворных, в свою очередь, обслуживали другие придворные. Некая Жоржетта де Беарн получала в год 120 000 ливров и из них 100 000 за то, что, будучи компаньонкой у графини Дюбарри, возведенной в сан метрессы, сносила саркастические упреки и замечания от своей покровительницы. По-видимому, не только значительная сумма денег прельщала эту даму, — она соглашалась участвовать в игре в роли виновной. Игра позволяла проявлять чувства, недостающие, по-видимому, в жизни. Должность маскировала неприглядную реальность.

Сложилась система, при которой царедворец откровенно бездельничал. От человека на службе не требовалось ни высокого ума, ни усилий воли, ни полета фантазии. Но изобретательность и воображение все же пригодились в любовных похождениях. Веселье, безумная трата денег на роскошь и развлечения, изощренные наслаждения — вот выход для энергии и творчества.

Чтобы понять, как и в чем нашла свое выражение эротика в XVIII веке, обратимся к искусству, так как оно наиболее ярко демонстрирует настроение и вкусы эпохи. Во Франции в это время господствует стиль рококо, который во многом продолжает барокко, отличаясь от него лишь чрезвычайной измельченностью форм. Рококо обращает пристальное внимание на деталь, позволяет в нее лучше всмотреться, будит воображение. Намек, недосказанность, мелкий штрих — вот скрытое значение рококо.

Перед нами картина Жана Оноре Фрагонара «Счастливые возможности качелей». Богато и изящно одетый аристократ, таясь в глубине кустов, с любопытством наблюда-

ет за качающейся на качелях молодой дамой. И вот долгожданное мгновение: ножка взлетела вверх, и любопытному повезло. Он ликует. Что он увидел: часть прелестной ножки или что-то еще? Наше воображение дорисует, как и воображение удачливого наблюдателя дорисует недостающее. Вся картина проникнута сверкающим весельем и неудержимым задором. А вот еще одна «счастливая возможность». На картине «Поцелуй украдкой» Фрагонар изобразил влюбленную пару, которой удалось поцеловаться, пользуясь случаем. Молодой человек, видимо, внезапно появившийся из приоткрытой двери, притянул к себе юную красавицу. Мы видим только то мгновение, когда влюбленный тянется к милым губкам, успев уже прильнуть к нежной щечке. Девушка, поддаваясь порыву страсти, слегка наклонилась к нему, но при этом поглядывает на другую приоткрытую дверь. Она боится: ведь их могут застать врасплох. Лицо девушки немного капризно, а поза чуть-чуть жеманна. Момент опасности придает поцелую дополнительную остроту и чувственность. Герои картин действуют украдкой: представляется неожиданный случай подсмотреть, тайно поцеловаться.

Фрагонар писал свои картины во второй половине XVIII века. В его взгляде на мир мягкая ирония. А вот в работах Антуана Ватто, художника первой половины столетия, печаль. Бросим взгляд на его картину «Капризница». На светлом фоне пейзажа мы видим молодую пару, расположившуюся на каменной скамье в парке. Девушка вполоборота слушает, вероятно, любовные речи дворянина. Он слегка прилег, облокотившись на правую руку, и в чем-то пытается убедить несговорчивую красавицу. Она же, капризно поджав губки, наверное, задумалась: стоит ли ему доверять? Можно только догадываться, какого рода предложение звучит из уст молодого человека. Впрочем, судя по тому, как кавалер спокойно развалился за спиной, в конце концов даме надоеет капризничать.

Прогулки, праздники, танцы, пикники на лоне природы — любимая тема Ватто, одного из самых тонких художников XVIII века, отразившего новые вкусы французского общества. На его картинах не бушуют человеческие страсти. Здесь «галантные празднества», изысканные любовные сцены, в которых лишь намек, а не откровение, некая двусмысленность — во время беспечного веселья, бывает, взгрустнется.

«Отплытие на остров Киферу» — одна из самых талантливых работ Ватто. Современники художника, конечно, знали, что Кифера — прекрасный остров, расположенный к югу от Пелопоннеса, — был символом чувственной любви. Стремиться попасть туда — значит, стремиться к любви и наслаждениям.

Согласно одной из мифологических версий, именно там кровь оскопленного Кроном Урана попала в море, и из морской пены появилась Афродита, самая красивая из всех богинь, пленительная и вечно юная.

Член же отца детородный, отсеченный острым железом,
По морю долгое время носился, и белая пена
Взбилась вокруг от нетленного члена. И девушка в пене
В той зародилась. Сначала подплыла к Киферам священным,
После же этого к Кипру пристала, омытая морем.
На берег вышла богиня прекрасная. Ступит ногою —
Травы под стройной ногой вырастают. Ее Афродитой
«Пеннорожденной» и еще «Кифереей - прекрасновенчанной
Боги и люди зовут, потому что родилась из пены,
А «Кифереей» зовут потому, что к Киферам пристала,
Кипророжденной» — что в Кипре, омытом волнами, родилась.

Могущество Афродиты настолько велико, что способно покорить всю вселенную. Она дарует людям чувство любви такой силы, которая может поднять человека до величайших высот, наделить невероятной красотой духа. Такой была Венера Урания («небесная»), воплощающая духовную любовь. Позже появился и другой, «публичный», облик Афродиты — Пандемос. Олицетворяя только женскую красоту и чувственную любовь, богиня окружила себя весьма земными предметами. Афродита (Вене-

ра) совершает свой утренний туалет подобно милой и кокетливой женщине. Многие ей прислуживают. Ее украшения горят ярче звезд, золото и драгоценные камни свидетельствуют о величии и богатстве. Но это всего лишь украшения, которые так милы сердцу любой женщины. Венера, которая тщательно заботится о своей внешности, куда ближе и понятнее человеческому сердцу, особенно женскому. Художники XVIII века любили использовать этот сюжет при изображении богини любви. Например, у Франсуа Буше богиня, окруженная нимфами и купидончиками, полулежит в раскованной позе. Ничто не мешает любоваться ее прекрасным телом, созданным для наслаждений. Ноги ее раздвинуты, хотя умелая драпировка ткани искусно скрывает сокровенное место. Вся фигура богини расслаблена и полна неги. Перед ней великолепное зеркало и множество изысканных предметов туалета.

Афродите не чужды вполне человеческие чувства: ей знакомы муки и наслаждения любви, она узнала горе, оплакивая смерть возлюбленного. Поэтому все, кто уже любил или ждал любви, поклонялись Венере Пандемос. Храмы, которые ей воздвигали, зачастую строили на пожертвования проституток, и сами куртизанки нередко были служительницами храмов и даже жрицами. На праздники земной Афродиты в Пафос, Самос, Киферу стекались толпы поклонников.

Таким образом, «Отплытие на остров Киферу» — своеобразное любовное паломничество, уход в ту страну, где царит молодость, наслаждение, любовь.

На картине мы видим группу богато одетых людей, спускающихся с отлогого холма в бухту, где стоит корабль. Золотистая дымка манит в желанную даль. Влюбленные пары, охваченные волнением и любовной истомой, устремляются вперед: они уже приняли решение плыть к вожделенному острову. А вот одна пара находится в раздумье, что-то ее останавливает. Но, поддавшись общему настроению, скорее всего, и она присоединится к отплывающим на волшебный остров любви, где любовь лишена трагедий и потрясений. Там страдания, ревность, желание — все тонко, изысканно, выверено. Там, наслаждаясь, чувства можно превратить в игру, а саму жизнь — в грезы, в сон. И тогда радости секса могут в полной мере имитировать любовь. Может быть, потому незримая печаль присутствует в лицах. Среди веселых празднеств часто бывает почему-то грустно. В неподвижности фигур заключена мысль об одиночестве человека.

Ты, славивший любовь во всем ее величье,
Ты говорил, что смерть, когда она придет,
Подобна будет сну... Но есть иной расчет:
Сон больше с жизнью схож, не велико различье.
Как снятся ночью сны, так снится, что живешь,
Надеешься, дрожишь, хоть беспричинна дрожь;
Одни желания сменяются другими,
Труды безрадостны, ничтожен их итог...
Так что такое жизнь? Какое дать ей имя?
Скажу вам, смертные, — я сном ее нарек.

Кстати, остров Кифера вначале назывался Пурпурным, потому что вокруг него водилось множество пурпурных улиток. Раковинки улиток приобретают некое символическое значение. В изображении античных мастеров богиня, родившись из морской пены, приходит в мир лежащей в раковине. Раковина стала колыбелью богине любви. Но ведь слово «рококо» обозначает тоже «раковина». Мелкие причудливые линии, извиляющиеся и закручивающиеся, создают множество потайных уголков, некие уединения, уютные местечки. В каждом завитке, созданном искусством рококо, рождается богиня любви. Она всюду. А сама форма раковины разве не ассоциируется с заветной частью женского естества? Столь же скрытого, сулящего наслаждения, подобно тому, как раковина таит жемчужину.

Гедонизм (неутомимые поиски самых утонченных наслаждений) определяет настроение эпохи и находит свое органичное воплощение в искусстве, которое еще нико-

гда не играло в жизни доминирующей роли. Искусство объясняло, защищало, оправдывало, служило. Интерьер, мебель, предметы быта, каждый уголок ландшафта — все призывало, манило, убеждало: наслаждайся! Тяжелые портьеры, прикрывающие глубокие оконные ниши, создавали полумрак в дворцовых комнатах. Полукруглые стены рисовали приятные для глаз плавные линии, в замысловатых переходах надежно укрывалась уединившаяся парочка. Скамейки, кушетки, диванчики всем своим видом провоцировали любовников прилечь и утолить свои желания.

Эллиптические залы, разделенные нишами, плавные куполообразные перекрытия, закругленные углы, живописные панно, украшающие стены, сложнейшие орнаментальные узоры, зеркала, отражающие многообразие ракурсов, — все способствует развитию эротической фантазии, вдохновляет ее, открывая новые горизонты для наслаждений. Разнообразные завитки, тончайшее кружево орнаментов так напоминают изгибы рук, линию шеи, локоны красавицы, весь облик которой меняется при движении, рассыпается на множество вариаций в то время, как она скользит по паркету, отражаясь в многочисленных зеркалах, или грациозно изгибается, пробираясь по извилистым коридорам. Вот она прилегла на кушетку, обнаружив волшебную линию талии, в драпировках богатой ткани скрываются ее прекрасные бедра.

Заглянем в будуар красавицы. Вот оно, средоточие сладострастия — ее постель. Такая постель, установленная в алькове под богато украшенным балдахином, была вершиной всех блаженств, соблазнительным приютом для любых прихотей. Посмотрим на все глазами очевидца, который описал свои впечатления:

«Глаза ищут... догадайтесь, чего. Ложе удовольствий, осыпанное неувядаемыми, то есть искусственными розами, без терний, возвышается на нескольких ступенях; тут, без сомнения, всякий Адонис должен преклонять колени свои. Позади спальни, в небольшой зале, сделан мраморный бассейн для купания, а вверху хоры для музыкантов, чтобы красавица, слушая гармоническую игру их, могла в такт полоскаться. Из сей комнаты дверь в сад, где все тропинки опушены цветами, где все деревья благоухают. Дорожки, извиваясь, приводят вас ко мшистой скале, к дикому гроту... Я любопытствовал видеть нимфу, но ей угодно было играть роль невидимки. На диване лежал корсет, доказательство ее тонкого стана, чепчик с розовыми лентами и черепаховый гребень».

«Что за приборы! Живопись, бронза, мрамор, дерево — все блестит, привлекает глаз». Поражает огромное количество зеркал, которые нужны «затем, чтобы, повторяя отражения в тысячах вариантов, они до бесконечности преумножали одно наслаждение в глазах тех, кто вкушает его на этой оттоманке. Ни один уголок тел, таким образом, не может быть скрыт; необходимо, чтобы было видно все полностью. Это как будто множество пар, собранных вокруг тех, что связаны любовью, множество подражающих их наслаждению, множество великолепных картин, возбуждающих дерзкие ласки и будто дополняющих их».

Запутанные аллеи сада, выводящие к укромным беседкам, дорожки, утопающие в густой листве кустарников, — все продумано до мельчайших подробностей. Вдали от постороннего взгляда удобно «давать красавицам уроки» или самому получить нежнейший поцелуй. Сюда можно заманить делающего первые шаги в науке любви юного аристократа и испробовать на нем секреты обольщения.

Павильоны, беседки, хижины, гроты — всюду есть место для тайного свидания. Тут нежно склонялись друг к другу вдали от посторонних глаз салонные кавалеры и дамы. В этих храмах уединения можно было сделать сладостную остановку на пути от легкого намека до полового акта, вручить заветное письмо или обменяться нескромными взглядами, украдкой целоваться или получить доступ к одной из соблазнительных частей тела.

Галантным дамам приходилось изобретать все возможное, чтобы показать, насколько их красота достойна поклонения. И мода верно угождала женским прихотям — подчеркивала эротическую сторону одежды. Именно в это время появилось нижнее бе-

лье — признак женственности и предмет кокетства. Котильон — так называлась нижняя юбка. Позднее это название закрепилось за танцем, во время которого нижние юбки выглядывали, привлекая к себе внимание. Шили их из шелка, украшали кружевами, воланами, вышивкой. Нижнее белье — только белое, цветное считалось вульгарным и незлегантным. Умело, будто бы случайно, показать край нижнего белья — всего лишь невинная шалость, придающая его хозяйке особый шарм. Одежда рококо обнажает тело как бы невзначай.

Весьма кстати пришлось остроумное изобретение — кружево из сетчатой ткани, состоящей из сплетенных нитяных узоров, сквозь которую можно увидеть тело. Но в том-то и удовольствие, что не все тело. Оно чуть проглядывает через дырочки, слегка светится, маня к себе. Какое удовольствие! И взгляд невольно фокусируется на этих изящных дырочках.

Именно в XVIII веке одежду наделили волшебными, эротическими свойствами. Костюм — главная характеристика человека в глазах окружающих — заслоняет одни качества и обнажает другие.

Модный в то время кринолин стали носить еще в конце предыдущего столетия благодаря смекалке любовницы Людовика XIV, которая стремилась скрыть беременность. Как бы ни была женщина крупна и груба, в кринолине она производила впечатление более изящной. Небольшое преувеличение — и слишком пышные формы зрительно уменьшались. Кринолин закрывал нижнюю часть тела, прятал слишком крупную ногу, а маленькую позволял увидеть; лиф, наоборот, обнажал, подчеркивал естественные линии вверху.

Декольте было одной из самых важных деталей костюма. В зависимости от капризной моды глубина выреза менялась, ночаще в моде царствовало глубокое декольте. В это время нередко звучали такие замечания: «Женщина не позволяет портному закрывать высокие снежные горы, или женщина хочет, чтобы вырез был настолько велик, чтобы две мужские руки могли удобнее туда проскользнуть».

Важную роль играл макияж. Очень модной частью макияжа становятся мушки — черные шелковые пластыри разнообразной формы, расположение которых выбирал язык любви. Первоначально мушки призваны были скрывать некрасивые пятна на обнаженных частях тела, а затем уже их стали использовать как привораживающее средство. Мушка безошибочно «сажалась» туда, где контрастировала и волновала, привлекая внимание к чистому лбу, нежному изгибу шеи, рельефному очертанию груди. Почти рефлекторное движение взгляда сходно с движением мужской руки в укромном месте. Шея, верх груди, место между двумя полушариями груди, плечо — мало ли привлекательных и волнующих мест! Мушки самых различных форм — в виде кружочков, треугольников, квадратиков, карточных мастей, цветочков и зверушек — говорили на условном языке, понятном в великосветских салонах. Мушки создавали, подчеркивали особое выражение лица, выставляли напоказ черты характера: «плутовка» — около рта, «склонность к галантным похождениям» — на щеке, «влюбленная» — около глаза, «шаловливая» — на подбородке, «дерзкая» — на носу, «кокетка» — на губе, «высокомерная» — на лбу.

Безусловно, эротическая мода XVIII века отыгралась прежде всего на женщине. Изысканный, утонченный костюм — верный союзник женщины, жаждущей наслаждений. Обилие украшений и модных аксессуаров, это бесчисленное количество милых мелочей, которые помогали выразить внутреннее состояние женщины, ее настроение и желания, — все притягивало к ней, манило, делало привлекательной и загадочной. Как много, например, могут сказать ленты! Переплетаясь в сложной игре символов и аллегорий, ленты расскажут на своем языке столько любопытного о хозяйке. К шляпке, декольте, поясу прикреплялись цветы, живые или искусно выполненные парижскими мастерами. Язык цветов выразителен и откровенен. Дамам Галантного века он был хорошо известен. В розе видится воплощение женственности, неразгаданности, непости-

жимости. Обратите внимание на то, как один лепесток розы скрывает другой, прячет его, а за ним таятся еще и еще лепестки, один нежнее другого. Аромат, распространяемый этими лепестками, содержит и сладость, и легкую терпкость, и оттенок пряности, и некоторую томность. Рядом с розой всегда шипы. Но ведь они призваны охранять это благоухание, эту бархатистую кожу от грубого прикосновения, от неосторожного движения чужих рук. Аромат розы неотвратимо влечет, кружит голову. Нераскрытые бутоны содержат в себе обещание красоты и тайны. А вот орхидеи обозначают откровенную страсть, где нет места стыдливости. Ведь цветок орхидеи похож на самое сокровенное место женского естества, он так же нежен и беззащитен и так же бесстрашно раскрыт навстречу наслаждениям: «...губы у нее были цвета марены, а все остальное куда более напоминало орхидею...»

Пышная грудь считалась предметом особой гордости женщины, поэтому даме всегда хотелось обратить на нее внимание. Всякое украшение, помещенное около груди, приковывало невольно к ней взгляды. Ожерелье, например, подчеркивало не только гибкость шеи, но и цезуру, разделяющую грудь. Аграф указывал на выпуклость груди, брелок на корсаже — на ее ореолы. Украшения эпохи рококо — это изысканные, утонченные произведения искусств. Блистая огнем алмазов и рубинов, они освещают обнаженные части тела, великолепие нарядов. Взгляните на придворную аристократку и ее кавалера: драгоценные камни покрывают пальцы, руки, шею, грудь, ниспадают живым пламенем вниз по пуговицам, вплоть до чулок и башмаков. И вот сам человек уже становится украшением мироздания. Конечно, и дамы победнее стремились надеть как можно больше украшений, несмотря на ограниченность в средствах. Подражать дамам высшего света трудно, но дочери и жены небогатых представителей третьего сословия не собирались отставать или выдумывать какую-то другую моду. Особое искусство — умело распорядиться платком, который кокетливо накидывали на плечи. Предназначался он для того, чтобы скрыть глубокое декольте, особенно неуместное в церкви, например. Ну а в светской жизни декольте никто вовсе и не собирался прятать, и платок нужен лишь как оправдание. Спустившийся случайно, он приоткрывал грудь внезапно — чуть-чуть или совсем, в зависимости от необходимости, от задуманной игры. Эта шутилка выходка должна была выглядеть как непреднамеренное движение. Но нужный эффект достигнут: платок усилил действие декольте. Подобно вуали, он затушевывал контуры груди, помогая разгулявшемуся воображению.

Взгляните теперь на прически эпохи рококо. Они поражают своей необузданной фантазией и приемами ее воплощения. Высокие, замысловатые, украшенные цветами и лентами, перьями и декоративными шпильками, они привлекают внимание к голове хозяйки, великолепно обрамляют лицо, выделяя его контуры, открывают линию шеи. Такую прическу могли венчать изысканные тюрбановидные чепцы, украшенные полумесяцем, лодки с парусами, ветряные мельницы, замки и т. п. Может быть, сегодня они кажутся нам нелепыми, вычурными, лишенными естественности. Ну что же, другое время, другая мода. Прически сооружались надолго (кстати, на их изготовление уходил весь день), и никто не рассуждал о негигиеничности. С такой прической приходилось спать, волосы вымыть было невозможно — это создавало огромные неудобства. Правда, покрой корсета тоже не учитывал физических особенностей красавиц. Женщина часами просиживала у зеркала, колдуя над собой; она готова была приносить жертвы и терпеть неудобства во имя своей привлекательности. Знаменитые куаферы (парикмахеры) никогда не повторяли одной и той же прически. Мария Антуанетта каждую неделю совещалась со своим придворным парикмахером, великим Лео-наром. Прически украшались перьями заморских птиц. Яркие, разноцветные, броские, они привлекали своими изгибами и откровенно напоминали о брачных играх птиц — периоде наибольшего раскрытия сексуальности. Все это — и гигантские размеры прически, и яркие перья — возбуждало чувства.

Обратим внимание на обувь. В женских туфельках появился высокий каблук — одно из революционных завоеваний моды. Каблук изменил саму манеру держаться: живот втянулся, грудь выступила вперед, выпрямилась спина, а линия бедер приобрела более выпуклые и пластичные формы. Походка стала легче, элегантнее. В сочетании с глубоким вырезом туфельки каблук зрительно уменьшает ногу, делает ее изящнее. Помните сказку «Золушка»? Да-да, ее автор Шарль Перро жил как раз в это время, а свою чудесную сказку издал в 1697 году. Его современник, писатель Ретиф де Бретонн остроумно заметил, что «страсть к башмачку — всего лишь отраженная любовь к прелестной ножке». Он утверждал, что туфелька воспринималась как символ женских потаенных мест. «Охваченный самой пылкой страстью и боготворя Колетт, я словно бы узрел ее саму, словно прикоснулся к ней, взяв в руки то, что только что было на ней, — розовые туфли. Я прильнул губами к одному из этих розовых бриллиантов — а другой, обманывая священные законы природы, от избытка чувств использовал в качестве замены предмета любви (я не могу выразиться более внятно). Теплота, которую возлюбленная передала этому предмету, касавшемуся ее тела, все еще жила в туфле, даря ей жизнь. Облако сладострастия заволочло мой взор».

Украшенная драгоценностями туфелька, случайно показавшаяся из-под юбки, тотчас же привлекала к себе взгляд. При известной ловкости хозяйка могла продемонстрировать и стройную ножку, обтянутую белым чулком. Чулки прикреплялись прямо к корсету подвязками, снабженными кокетливыми завязочками или пряжками. Полоска обнаженной ножки между чулком и лифом выглядела особенно эротично, ведь она соседствовала с потаенным местом красавицы. В руках у женщины обязательно был веер. Восточная диковинка замечательно прижилась в европейских гостиных и стала необходимым дополнением к изысканному наряду. Изготовленный из кожи, шелка или тончайшего пергамента веер ярким пятном на платье хозяйки привлекал внимание к ее груди или шее, прикрывал лицо во время оживленного разговора, незаметно для окружающих на что-то указывал. Обмахиваясь веером, женщина распространяла вокруг себя волны аромата специально подобранных для этого вечера духов.

Галантные дамы не забывали о силе запахов, усиливающих мужское желание. Стройная дама пользовалась резко возбуждающими запахами, позволявшими ей казаться полнее, — амброй, мускусом. А пышные дамы употребляли цветочные духи, и кавалер воспринимал такую красавицу как воздушное, эфирное создание.

Часто использовали эротические яды. Наиболее известные среди них — кантарины, или шпанские мушки. Их помещали в капли, принимали в виде конфет, лепешечек и т. д. Женщины принимали тайком «любовные пилюли», чтобы придать своему лицу нежное выражение в известные минуты. Госпожа Помпадур, знаменитая любовница Людовика XV, прибегала к такому снадобью, когда, по ее выражению, она вдруг стала «холодной, как утка», и скорее отталкивала, чем привлекала короля-любовника.

Сама техника сексуальных отношений стала иной. Удовольствие заключалось в медленном приближении к цели. Постепенное раздевание продлевало удовольствие ожидания заветной минуты. «Он присел на постели и, сдерживая дыхание, наблюдал, как она кропотливо снимала с себя чулки, платье, кружева, нижнюю юбку, пока не осталась совершенно голая». Великое разнообразие любовных ласк требовало от партнеров настоящего мастерства. Тот, кто виртуозно им владел, мог рассчитывать на огромный успех в свете. Например, искусство целовать и вовсе превратилось в очень популярную науку. Что такое поцелуй, каковы его виды, как нужно целовать в том или ином случае — предмет описаний и обсуждений в серьезных трактатах. При так называемом «флорентийском», наиболее жгучем, женщину берут за оба уха, притягивают к себе и целуют. «Влажный» поцелуй обозначает, что мужчина хочет чего-то большего от женщины, чем невинных шуток. «Влажный поцелуй мой дал ей понять, что я обуеваем желанием», — из записок галантного кавалера. Поцелуй в грудь, а особенно в ее бугорки, назывался «девичьим». Дамы очень ценят такой поцелуй, ведь он позволяет про-

демонстрировать красивую грудь. При «французском» поцелуе целующиеся соприкасаются языками. Все разновидности имели еще и оттенки. По тому, как мужчина целует, умная женщина уже знает, что обещает его любовь. Случай для поцелуя нельзя прозевать, впрочем, заинтересованные создавали искусственные ситуации. Например, во время игры в фанты поцелуй часто назначался выкупом. Поцеловать женщину в грудь — проявление привычной галантности, вполне пристойное. Особой милостью на последней стадии дружбы считалось поцеловать колено, на поцелуй выше подвязки мог претендовать только любовник.

Язык прикосновений не менее многозначителен, чем поцелуи. «Грудь женщины — мыс блаженства, к которому простираются руки каждого мужчины», — гласило одно из тогдашних суждений. Противодействие со стороны женщины, как правило, обманное; ее взоры обычно противоречат словам. Ласки, которыми одаривали друг друга во время интимной близости, стары как мир, их знали в античной и восточной культурах. Само собой разумеется, что ими пользовались и в галантном веке. Во все времена и исторические эпохи мужчинам нравилось феллацио — возбуждение фаллоса посасыванием и ласкающим движением языка, в свою очередь, женщины всегда любили куннилинг, когда с помощью губ и языка мужчина стимулирует женские половые органы. Картина неизвестного художника XVIII века — иллюстрация техники этой любовной игры. Мужчина лежит на спине, согнув ноги в коленях и раздвинув бедра, а женщина находится сверху, повернувшись к нему задом. «Она перекинула ногу через его грудь и, наклонившись, взяла в рот его член. Он чувствовал, как она его нежно посасывает, как ее волосы скользят по его бедрам, когда она раскачивается взад и вперед. Он поднял голову, ее маленькая штучка была подобна нежнейшей морской раковине, бледно-розовый цвет плавно перетекал в молочную белизну. Всякий раз, когда она подавалась вперед, раковина раскрывалась и раздвигались одновременно ягодицы, обнажая крошечную розеточку». Все любовные позы, все виды наслаждений, хорошо освоенные древними, во Франции были широко известны. «Этот скипетр Венеры — первый поставщик наслаждений любви; нет ни одной части человеческого тела, куда он не мог бы проникнуть. Он всегда равен страстям своего хозяина и иногда скрывается вот здесь (касается лобка): это его обычное убежище, наиболее часто употребляемое, но не самое сладостное. Стремясь к храму более таинственному, любой распутник стремится насладиться здесь (она раздвигает ягодицы и указывает наанальное отверстие): мы еще вернемся к этому удовольствию, оно лучше всех. Рот, губы, подмышки также часто представляют алтари, где он курит фимиам».

Некоторые не пренебрегали однополой любовью. «Ты знаешь, я являюсь обладателем великолепного члена... пришлось показать свое богатство; сначала я подумал, что это чистое любопытство, но вскоре прелестные ягодицы, обращенные ко мне, и призыв насладиться ими показали, что осмотр был продиктован истинным влечением... Маркиз был тут же, он воодушевлял нас ласками, поглаживаниями и поцелуями всего того, что мы выставили напоказ... И ты, сестрица, может быть, думаешь, что мне пришлось слишком туго? Ничуть. Каким бы огромным ни был мой член, я и опомниться не успел, как он исчез глубоко внутри тела, и повеса как будто даже не почувствовал этого... Испытываемое им невероятное наслаждение, дрожь, его прелестные речи вскоре подействовали на меня, и я буквально наводнил его».

Флагелляция — одно из распространенных возбуждающих средств — была известна с давних времен, но в эпоху абсолютизма развился ее настоящий культ. Розгу пускали в ход везде и открыто об этом говорили, поскольку воспринимали ее как лакомство на кухне наслаждений. Во всех публичных домах мужчина мог или сам насладиться розгой, или подвергнуть этой процедуре девушек. В некоторых домах имелись и «комнаты пыток» с соответствующими инструментами для этой цели. Удары по определенным частям тела возбуждают половые центры, и любовные игры становятся еще сладострастней. Страсть к флагелляции охватила не только истощенных развратом ста-

риков, но и большую часть юношей и мужчин в расцвете сил. Особенно часто увлекались флагелляцией в монастырях. Настоятельницы, игуменьи находили выход эротическому чувству, бесконечно истязая монахинь. Предлог найти нетрудно — несоблюдение правил монастырского режима или непослушание.

В отличие от Ренессанса эстетика эпохи абсолютизма не предусматривала собственно любви. Она не только обуздывала чувство, но и сумела заключить его в изящный сосуд и использовать как аромат, сдабривающий эротические игры.

А игры, между прочим, часто были жестокими. В любой игре всегда побеждает тот, кто собраннее, хладнокровнее, расчетливее. И эротическая игра ничем в этом смысле не отличалась. В ход шло все: украдкой брошенные взгляды, случайно оброненное слово, полунамек и откровенные речи. Игра предполагает легкость, ненавязчивость. Тот, кто не знал ее правил, путал игру с действительностью, потом страдал. «Поверь мне, мой миленький кузен, романтичность теперь не в моде. Ты очень мне нравился, дитя. Но я не виновата, что ты считал мои отношения к тебе серьезными. У тебя достаточно достоинств, чтобы нравиться женщинам, используй свои способности и будь уверен, что утрата одной женщины может быть возмещена другой», — из записки галантной дамы к недавнему любовнику.

Любимым наслаждением опытных сердцеядов было искусное соблазнение. Причем чем наивнее и моложе партнер, тем пикантнее становилась игра. Какое торжество — довести верную жену до состояния, когда она забывает о своей верности и уже готова отдаться! Как интересно наблюдать за молодой провинциалкой, умирающей со стыда от чьего-то смелого взгляда и поступка. «...Мы вложим в эту головку все принципы самого безумного распутства, воспламеним ее своим огнем, напитаем своей философией, внушим свои желания. Я испытаю два удовольствия сразу. Первое — самой насладиться преступной страстью, а второе — преподать ее уроки милой невинной девочке, которую я увлекаю в наши сети. Я ничего не пожалею, чтобы совратить ее, чтобы повергнуть в прах все ложные принципы морали, какими только могли забить ее головку. Я хочу за два урока сделать ее такой же распутницей, как я сама... такой же безбожницей... такой же злодейкой».

В салонах XVIII века естественная простота чувств истинно любящих сменилась сложной игрой. В этой осложненности и заключалось наслаждение. На пути к цели существовало множество преград, обязательных обходных путей, искусственных препятствий, которые нужно было элегантно преодолеть. Запреты на обладание красавицей, возникавшие перед претендентом, только распяляли его воображение. Минуты опьянения превращались в долгие часы, и чем длительнее было ожидание, тем сильнее оказывалось эротическое наслаждение. Играть в любовь можно одновременно с несколькими, и тогда обостряются ум, фантазия, изобретательность. Впрочем, игра в сексуальных взаимоотношениях всегда украшала и дополняла основное чувство. Игра — маска, которая не только превращает секс в удовольствие, но и вполне заменяет любовь, делает ее развлечением. Зрение, осязание, слух, вкус, обоняние — все на службе сладострастия. Возник культ поцелуя, взгляда, прикосновения. Каждая часть женского тела — руки, ноги, плечи, спина, грудь, ягодицы — приобретала особое значение, становилась своеобразным фетишем. «Она неподвижно застыла посреди комнаты, манящая, бледная, в жемчужных капельках пота. Перед его взором предстали пленительные бедра и большие груди с торчащими сосками, подчеркнутые красными ореолами, которые говорили о ее чувственности».

Женщина желала быть неиссякаемым источником сладострастия. Всеми силами она старалась разжечь любопытство кавалера и заставить его «случайно» увидеть что-нибудь за продуманной драпировкой одежды. Особое удовольствие женщины получали от самообнажения, но прелесть такому действию придает эффект неожиданности, внезапности, непреднамеренности, недоразумения. «Мышь!» — мог крикнуть кто-то, желая пошутить, и в гостиной начинался переполох. Все дамы вскакивали кто куда: на

диваны, на кресла, на изящные столики. При этом они трясли юбками, поднимая их выше: ведь мышьяк могла оказаться в складках платья. Приподнятые юбки обнаруживали кружева нижнего белья, а под ним все, что требовалось показать. Такая шутка периодически повторялась, но дамы всегда воспринимали ее «всерьез», дабы еще раз показать свои прелести. Жест поднятия юбки совершенно инстинктивен. Помните, в фильме «Белое солнце пустыни» все двенадцать «жен» товарища Сухова, как по команде, подняли выше головы свои юбки, заботясь о том, чтобы скрыть лицо? А знаменитая фотография Мэрилин Монро, где актриса стоит на люке, а ее юбка-колокол вздымается вверх? Ситуация сама по себе не искусственная: что поделаешь — ветер! Актриса даже пытается вернуть юбку на место, но понимает, что ей не справиться. Она кокетливо придерживает ее на уровне приличий.

Вернемся снова к картине Фрагонара «Счастливые возможности качелей». Давайте представим, что чувствует дама, катаясь на качелях. Ну конечно же, она знает, что в любой момент ее взметнувшаяся юбка может ненароком приоткрыть нижнее белье, и покажутся тончайшие кружева и искуснейшие оборочки. Она немножко переусердствовала: неожиданно выглянули во всей своей молодой красе обтянутые белыми чулками ее ножки в изящных туфельках. Дама пьянеет от азарта игры, ее голова немного откинута назад, в чертах лица легкое возбуждение. Катание на качелях в нашем сознании уже само по себе эротическое действие. Ну-ка попробуйте хотя бы мысленно проделать движения, которые вы совершаете при раскачивании качелей. Не напоминают ли они вам некоторые интимные действия? И само раскачивание — вперед-назад, вперед-назад — создает некий ритм, повторяющий «счастливую возможность». Но какое удовольствие продемонстрировать это публично, где качели — только намек, легкое указание на интимную подробность, всего лишь игра! Сюжет с качелями был довольно распространенным в изобразительном искусстве. А как же иначе? Но и другие пикантные ситуации, позволяющие увидеть «запретное», тоже часто обыгрывались. Рассматривая гравюры этого времени, находим немало подобных сюжетов. Вот падение во время катания на коньках. Молодая женщина упала, и юбка ее платья предательски приоткрыла все, обычно тщательно скрываемое от посторонних глаз. Молодой человек, который вовремя оказался неподалеку, радуется и не торопится ей на помощь, вожделенно разглядывает упавшую. А вот другая история, рассказанная Ж. Руссо. На этот раз мужчина, оказавшийся рядом, попробовал выручить даму из беды:

Когда Симона, дева удалая,
На площади упала как-то раз,
То ветер, столь охочий до проказ,
Под юбку к ней полез, подол вздымая,
Так что предмет девичьего стыда
Узрели все воочию... Тогда
Один ханжа вмиг подбежал к Симоне,
Чтоб шляпою прикрыть ее врата.
«Куда со шляпой?» — возмутилась та. —
Прочь, прочь! Мне достаточно ладони».

И еще один сюжет. Собравшаяся на площади толпа пытается рассмотреть что-то интересное. Некоторым дамам не видно, и любезные спутники подняли их на руки. Женщины очень увлеклись и «не замечают», что юбки откинулись, а мужчины потеряли интерес к происходящему на площади. Внезапный порыв ветра всегда помогает любопытному. Среди гравюр находим немало таких, которые и запечатлели именно этот трогательный момент. Порыв ветра срывает с головы молодого человека шляпу, а юбку девушки поднимает так высоко, что накрывает сзади ее голову. Ее раздевает ветер — вот «оправдание» ее желанию раздеться. Пока девушка борется с юбкой, молодой человек в нерешительности: то ли ему бежать вперед за шляпой, то ли, воспользовавшись замешательством, проверить, что творится сзади. Мы видим, что внезапность «несча-

стного случая» обычно соседствует с «подглядыванием». Не будь второго, зачем первое? Нужен зритель. И тогда — сколько возможностей для столь желанного обнажения! Что может быть приятнее неожиданного зрелища? Стоит только смотреть всегда зорко и не упускать удобного случая. А уж как приятно обнажиться, вызвав мужское восхищение! Надо только быть изобретательной. В балете, например, поощрялось умение танцовщицы искусно показывать зрителям самые сокровенные свои прелести. Казанова вспоминает, что знаменитая танцовщица Камарго танцевала всегда без трико. Но какие бы самые рискованные прыжки она ни совершала, увидеть до конца ничего было нельзя. В том-то и состояла утонченность, чтобы возбудить сладостное желание зрителей, чтобы каждый считал своей заслугой «увидеть» что-нибудь. Даже самые невинные па в этом случае зрители воспринимали с эротическим любопытством.

Язык был насыщен эротическими остротами, непристойные словечки буквально смаковались. Какая неожиданность: утонченная дама ловко вворачивает порнографические выражения в свою изысканную речь. Замечательный эффект контраста, несоответствия отвечал логике женской игры. Неприступная аристократка с безукоризненными манерами в галантной беседе неожиданно говорила такие сальности, какие только можно услышать в самых грязных притонах Парижа. Но не будем торопиться с оценкой. Читаем у А. С. Пушкина: «Насилу дотащился в Москву, обоссанную дождем и встревоженную приездом двора». Это поэт писал жене Наталье Николаевне. Непристойное словечко создает колорит интимности, приоткрывает дверь спальни. Любовь требует сниженной лексики, даже грубого слова, потому как «гений чистой красоты» (все об этом догадываются?) тоже порой раздевается. Запас слов, позволяющий говорить о сексуальной жизни, во всех языках весьма скуден. В каждом из нас сидит внутренний цензор, накладывающий запрет на то, что связано с такой важной стороной человеческой жизни. Человеку говорить «об этом» неловко. Может выручить, конечно, язык поэзии, который способен выразить «это» в высоких образах. И все же в постель вы ложитесь не в бальном платье — приходится раздеваться. Галантный век разрешил человеку наслаждаться раздеванием и тела, и языка. И переходя к сниженной лексике, дама высшего общества дает условный знак, открыто сообщает о готовности к наслаждению. Она не ставит под сомнение радость, которую приносят эротические удовольствия, а «страсти эти, которые пугают вас, холодные, пошлые моралисты, — всего только средства, употребляемые природой, чтобы внушить человеку ее намерения по отношению к нему; не слушайте ничего, кроме этих сладостных страстей...».

2. Развлечения высшего света

Попробуем представить такую ситуацию. Внимание знатной особы приковано к молодому юноше, прислуживающему в дворцовых покоях, который и не мечтал о счастье оказаться в объятиях королевы. Да, да, почему бы и не королевы? Кто знает, о чем она тайно мечтает, на ком остановит свой пристальный взгляд, какой сделает выбор на этот раз? На этот раз жребий пал на растерянного и смущенного юношу далеко не знатного происхождения. Ей нравится завлекать его, подавать надежду, дразнить невозможным. Она с упоением наблюдает, как в нем день ото дня растет желание, как робкий взгляд преобразуется в смелый и дерзкий. Конечно, в любой момент она вправе прекратить игру, оставив юношу с его несбыточными мечтами. Но не сейчас — ей нравятся его крепкие мышцы, выразительные глаза и благородная осанка (совсем как у высочордного дворянина). Так и быть, она решила и вступает в игру! И вот уже нагая, застенчивая, она стоит перед ним и наблюдает, как он с трудом справляется со своим смущением. Затаив дыхание, он едва взглянул на нее, потом в глазах появилась искорка решительности, и тогда «она улыбнулась, шагнула и приблизилась, качнувшись; ее груди, ягодицы напряглись и ноги грациозно ступили по холодному полу... Много раз предавались они любви. Мария Антуанетта одаривала бледностью и трепетом своей наготы. Ее тело трепетало как лист всякий раз, когда член, влажный и твердый, словно таран, проникал внутрь ее, пока семенная жидкость разливалась липким пластырем по бархатистым ляжкам, смыкавшимся над членом мужественности ее любовника и сдавливавшими его. Он, закрыв глаза, старался представить себе лицо королевы, рыдавшей под его ласками».

Вот если только дать разгуляться неистощимой человеческой фантазии, знаете, сколько будоражащих кровь ситуаций она может выдумать? Хотите провести ночь с Клеопатрой? А с Александром Македонским? Такое рафинированное наслаждение в Галантном веке было возможно и практиковалось в великосветских салонах. Правда, египетскую царицу доставляли из Пале-Рояля, а великим полководцем становился красивый, но бедный юноша, ищущий заработка. А действительно, почему бы красавцу не продемонстрировать свою силу и отвагу на любовном ложе, если при этом еще можно и заработать? Ведь это игра, в ней есть правила и роли. И почему бы роль Клеопатры не сыграть гибкой темноволосой девушке из увеселительного заведения, если она к тому же умна и раскованна? «Аннетт, обнаженная, стояла перед зеркалом в комнате хозяйки, которая должна была вот-вот прийти, чтобы придирчиво осмотреть ее и дать последние указания. Ей не раз уже приходилось быть Клеопатрой и расточать царственные ласки, но она волновалась всегда. Чуть смуглая от природы, невысокая и ладная, она могла часами гнуться и принимать немислимые позы. Ее бедра были так стройны, что она невольно снова остановила на них взгляд и застыла от осознания собственного совершенства. Она отвела руки за спину и, покрыв ладонями ягодицы, с удовольствием ощутила их бархатную поверхность. Постояв так с минуту, Аннетт резко развернулась к зеркалу спиной, наклонилась вперед, изогнулась и раздвинула ягодицы руками. Но едва только она попыталась взглянуть в зеркало, как вздрогнула от одобрения входившей мадам Пизо: «Вот так!» Аннетт выпрямилась. Хозяйка, бросив на нее беглый взгляд, махнула рукой: «Одевайте!» Внесли Клеопатрин наряд, и роль уже властно овладела Аннетт...»

Замечательное изобретение для разнообразных игр — маска. Маску использовали и раньше, а в XVIII веке она стала обязательной в придворных маскарадах. Маскарад — та же игра, причем такая, в которой нет прежнего человека — только его роль. Отказаться от себя, стать другим — какое это упоительное наслаждение! Полумаска интригует, выдает человека наполовину, оставляя сомнение. Возникает некоторая двусмысленность, намек. А маска скрывает лицо полностью, и тогда окружающие ломают голо-

ву, разгадывая, кто же под ней, прислушиваются к голосу, присматриваются к движениям.

«Черная полумаска, а к ней прикреплена кружевная тонкая вуаль, скрывающая нос, губы, — слегка колеблемая дыханием темная дымка... Эта женщина волновала его своим присутствием среди пестрой привычной публики. Ему казалось, что он никогда раньше не видел ее. Иначе хоть что-нибудь намекнуло бы ему, кто же все-таки она. Ее голос короткими звуками появлялся то там, то здесь, как будто совершал перебежки от портьеры к дивану и вновь на середину зала. Приглушенный смех ее сладко мучил, томил и морочил. Неожиданно она возникала в зеркалах, отражаясь и мелькая в разных позах и во множестве вариантов, так что он уже не мог понять, где же она настоящая...»

Исполнители нуждаются в зрителе, умеющем по достоинству оценить игру. Поэтому любовники не прятались от посторонних глаз. Специальные «ватаги», «веселые банды» дружно предавались сексуальным утехам, во время которых происходил непрерывный обмен партнерами. Изогранные игры демонстрировали неистощимую фантазию участников. Представим себе лежащих на мягком персидском ковре полуобнаженных женщин, которые образуют своими телами своеобразный круг. Прозрачное белье их приподнято, а бедра раздвинуты в ожидании партнера. Собравшиеся вокруг мужчины пробуют свои силы по очереди. Играющий должен обойти круг, уделяя одинаковое внимание каждой участнице, пока не настанет момент высшего наслаждения. Затем вступает в игру другой и т. д. Победителем будет, конечно, тот, кто продержался дольше всех. А если искать победительницу среди женщин, тогда нужно организовать игру так, чтобы выяснить, кто же из дам скорее всех испытает сладострастие. А вот еще одно пикантное развлечение. Молоденькая Колетт, с недавних пор посещающая забавные игры, забирается на круглый стол и устраивается так, чтобы удобно было следить за выражением лиц у мужчин, расположившихся вокруг стола. А следить надо было внимательно, подмечая любое движение мускулов. При этом надо помнить, что мужской взор не пропустит ни одного поворота ее проворной ножки и, уж конечно, проникнет под нижнее белье, чтобы увидеть кое-что большее. А тем временем под столом происходят не менее интересные события. Забравшаяся туда Юлия «бережно взяла в руки белевший, словно изваяние из слоновой кости, столб, затейливо испещренный венами... он был упруг, и никакой рог не сравнился бы с ним по твердости, и в то же время трудно было бы отыскать бархат, более нежный на ощупь. Юлия припала губами к головке и медленно, но настойчиво стала ласково массировать ее языком».

Губы ее движутся все быстрее
По пестуку... Ощувив,
Что твоя плоть отвечает на ласку
Ее губ и кончика языка,
Она заглатывает его так глубоко,
Втягивая в себя, и целует,
А ты выпускаешь крик:
это Страсть Всепоглощающая.

Особое правило этой игры — никакого крика. Испытывая удовольствие, счастливчик обязан сохранять хладнокровие, и ни одна черточка на лице не должна дрогнуть и выдать его. Колетт, находясь на столе, старается угадать, кто же этот счастливчик. Если не угадает, полезет под стол, а Юлия займет ее место. Колетт не угадала. И вновь нижняя юбка, но уже Юлии, ее точеные ножки, от которых не так-то просто отвести взгляд, дурманящий аромат ее духов. Ну как тут не выдать себя! Пока Колетт трудится под столом, Юлия насмешливо осматривает лица, останавливаясь пристально на глазах. «Ага! Вот он!» — Юлия торжествует, а Колетт остается под столом. Впрочем, игру можно построить иначе: мужчины из солидарности могут одновременно дружно имитировать накал чувств, и тогда попробуй разберись, кто же действительно его испытал. Здесь нужен определенный опыт.

Покинем ненадолго веселую компанию и заглянем в спальню к одной из молодых участниц эротических игр. Здесь темно, лишь дурманящий лунный свет падает из окна в том месте, где портьера слегка сдвинулась и открыла кусочек звездного неба. Молодая женщина, фрейлина Ее Величества, лежит в своей постели, прижимая к груди голову того, кого так яростно и исступленно желала. Опытная сводня сумела ловко с ним договориться и устроить это свидание. Очарованный ее красотой и смелостью, он медлит, продлевая минуты вожделения. Она не торопила его: ожидание и предвкушение значили для нее ничуть не меньше, чем самые сумасшедшие ласки, которыми, она надеялась, он одарит ее этой ночью. Наконец он приподнялся, наклонился к ней и «проехал лицом от ее груди к животу, к волосам в паху, к ляжкам. Там он и остановился. Двигая головой вниз, он ладонью раздвинул ей ноги. Она повиновалась. Меж ее ног разверзлась тьма. Он коснулся Венериного холма и провел большим пальцем по бороздкам промежности, потом раскрыл вход в пещеру, мягко погрузил большой палец внутрь: вопреки всем его ожиданиям, там было влажно. Он проделал то же самое указательным пальцем, нащупав лунку ануса. Рассеянный свет от окна падал теперь прямо ему в глаза, и он увидел серебристую поверхность ее ляжки, такой же свет падал и на его руку, и на два сияющих полушария ее зада, и на бледный луг ее втянутого живота, и на холмики груди, и уж совсем вдалеке — на кончик ее подбородка. Приблизив лицо вплотную к заветному входу, он почувствовал, как оттуда повеяло дыханием всех».

Вернемся к увеселительным играм. Во время галантного ужина метресса хозяина могла выйти к гостям или совсем голая, или в прозрачной одежде. Хозяин охотно предоставлял свою даму в распоряжение каждому из присутствующих. Практиковались и весьма пикантные маскарады. Все дамы на празднике были обнаженными, их скрывала лишь маска, одетые мужчины свое присутствие щедро оплачивали. Собравшиеся гости ужинали, танцевали, а затем предавались любовным утехам. Когда однажды на такой маскарад пришли блюстители порядка, выяснилось, что все дамы принадлежали к высшему обществу, так что арестовывать было некого.

Увлечение групповыми играми спровоцировало возникновение множества клубов сексуального характера: Орден Блаженства, Орден Афродиты, Общество панталонов, Орден Медузы. В последнем состояли исключительно графини, герцогини, маркизы. Безусловно, деятельность этих организаций официально не разрешалась, нигде не рекламировалась и не считалась общественной нормой. Ясно, что эротические оргии не могли найти хоть какое-нибудь оправдание в христианстве, но отцы церкви сами с упоением предавались любовным похождениям. Это другая, неофициальная, жизнь Франции. Тон задавало высшее общество (аристократия, духовенство, верхушка буржуазии), но и жизнь простого народа не отличалась невинностью. Париж наводнили заведения увеселительного свойства.

Сердце, душа развлечений Парижа — Пале-Рояль. Вот впечатления русского путешественника XVIII века: «Не буду вам описывать наружности сего квадратного замка, который, без всякого сомнения, есть огромное здание в Париже... Тут спектакли, клубы, концертные залы, магазины, кофейные дома, трактиры, лавки; тут богатые иностранцы нанимают себе комнаты; тут живут блестящие первоклассные нимфы; тут гнездятся и самые презрительные. Все, что можно найти в Париже, есть в Пале-Рояль... Тут собраны все лекарства от скуки и все отравы для душевного и телесного здоровья, все средства выманить деньги и мучить безденежных, все способы наслаждаться временем и губить его. Можно целую жизнь, и самую долголетнюю, провести в Пале-Рояль, как волшебный сон, и сказать при смерти: «Я все видел, все узнал!»

Думаем, наконец, можно произнести внятно слово «разврат». Разврат — разворот чего-то. Что-то (в данном случае эротическое удовольствие), будучи в зародыше, лишь в намеке, разворачивается и развивается, становится чрезмерным, вырастает до гигантских размеров. Вся жизнь, все помыслы подчинены одной единственной цели — испытать наслаждение. Однообразные наслаждения быстро приедаются, требуются другие,

более сильные. Ласки одной женщины наскучили, объятия одного мужчины надоели. Фантазия подсказывает все более и более изощренные способы доставить себе удовольствие. Арсенал испытанных средств из мировой сокровищницы любовного опыта тоже к услугам страждущих.

Развращенность достигает невероятных размеров и становится массовым явлением. Крайней утонченностью разврата отличался двор французских властителей. Их блистательная родня, а также представители лучших аристократических фамилий предавались самым изощренным порокам. Граф д'Артуа, герцог де Шарот, принц Карл Бурбон-Конде, принц Субиз, герцог Ришелье, герцог де Фронзак, принц Конти, принц де Ламбек — это далеко не полный перечень французских либертенов, который могли бы пополнить и высшие служители церкви, включая кардиналов и епископов. Почти все эти либертены содержали увеселительные дома, в которых селили своих фаворитов, и устраивали оргии сладострастия. Роскошь интерьеров в таких домах располагала к изыскам самого немислимого разврата. Специально обученные сводницы доставляли в эти дома товар на любой вкус: от знатных дам до прачек. Актрисы, певицы, танцовщицы попадали сюда в огромном количестве. Молоденьких юношей, девушек, детей привозили в эти дома и целенаправленно обучали всем премудростям сексуальных утех. Все, что приглянулось рафинированному гурману, и все, чем пожелал он овладеть, предоставлялось его услугам.

Знатные дамы тоже имели свои увеселительные заведения. Особенно прославилось заведение интимной подруги Марии Антуанетты герцогини де Полиньяк. Многие дамы содержали мужские гаремы, в которых предавались самым немислимым извращениям. Баронессы де Бурман, де Викегейм и другие знатные особы периодически устраивали приапические оргии и вакханалии.

Оргии в честь Приапа восходят к давним языческим традициям Египта, откуда они распространились в Древнюю Грецию и Древний Рим. Бог Солнца Озирис дарует природе и людям жизнь и плодovitость. Весной, когда Озирис входит в созвездие Быка, начинается интенсивное цветение и торжество природы. Бык, апис, стал эмблемой бога Солнца. *Priape* назывались священные части Озириса. Культ Приапа отправляли в Ассирии и в Халдее, где он был известен под именем Фаллу. Во время празднества изображение Приапа носили по полям и верили, что это поможет обильному урожаю. Божество, фаллос которого был в несколько раз больше его тела, олицетворяло плодородие и деторождение. Женщины верили, что он охранит их от бесплодия, поэтому носили на груди амулеты с изображением Приапа. Озирис-солнце — представитель мужского начала, а женское начало воплощалось в богине Изиде — земле. Эмблемой Изиды была веялка, которая отбрасывает отруби и сохраняет только чистое зерно. Веялка имела закругленную форму, символизируя женский половой орган. В Древней Греции и Риме эти празднества были известны под именем Изиака. На улицы и общественные дороги стекались со всех концов города посвященные в таинства Приапа мужчины и женщины. Одетые в белые одежды, они шли, потрясая металлическими систрами. Процессия, возглавляемая жрецами, направлялась к храму богини Изиды. Жрецы несли в руках фаллос, изготовленный из золота и выражавший собой дань уважения богине. Достигнув храма и войдя в него, толпа приобщалась к обряду таинства Изиды, а вслед за этим начинались немислимые чувственные оргии.

Мужской половой орган как источник деторождения, как символ плодородия почитали у многих народов. Незаметно он получил и иную значимость — его чтили и как виновника чувственных наслаждений. Статуи Приапа часто устанавливались в полях и садах Рима и Греции, его изображение носили в качестве талисмана. Его, вечно возбужденного Приапа, славили булками фаллической формы. Их, между прочим, и сейчас пекут во Франции. Как символ потенции мужчины, фаллос присутствовал в обществе и жизни отдельного человека: в виде светильника, ярко освещавшего мрак жизни, в доме; в виде неистощимого источника воды, которая символизировала «воду жизни»; глиня-

ными чашами с рисунками фаллоса пользовались бесплодные женщины, чтобы вызвать беременность. Амулеты в виде фаллоса носили большинство женщин, так как этим фигуркам приписывали чудодейственную силу: они предохраняли от дурного глаза, болезней, увеличивали потенцию супруга, вселяли в него любовную страсть, укрепляли узы брака и вообще помогали в любовных делах. Амулеты носили открыто, и почитание фаллоса не считалось зазорным. Античность была чрезвычайно богата произведениями искусства, славящими мужскую потенцию. Изображение Приапа можно найти повсеместно: статуи, барельефы, камеи и т. п. В Ватикане есть любопытная бронзовая статуя с петушиной головой, крепко сидящей на мужских плечах. Голова вместо клюва заканчивается огромным фаллосом, символизирующим половую энергию и эротическую силу. Название статуи — «Избавитель вселенной» — указывает на то значение, которое придавали древние этой замечательной части мужского тела. В Риме найден барельеф с изображением фаллоса в виде коршуна, сидящего на половых атрибутах женщины в разные периоды ее жизни. Это символизирует торжество мужского начала и его значимость для женщины. Особенно цепко когти коршуна сжимают женщину зрелого возраста, и вырваться из них совершенно невыносимо. А вот на другом барельефе показана ситуация противоположная. Женщина властвует над мужчинами всех возрастов: она возбуждает страсть юноши, направляет в нужное русло страсть зрелого мужчины и ставит в зависимость от своей воли страсть старика. Древние любили, кроме того, и подшучивать над Приапом. Повсеместно находят при раскопках карикатуры на него. Ведь и сам бог был жизнерадостным и остроумным. Указывая на сверхъестественную потенцию, изображали водоноса, несущего тяжелую ношу не руками, а фаллосом. На стенной живописи в Помпее показан огромный фаллос, который по массе и значимости превосходит мешок с деньгами.

Непременный спутник любовных наслаждений — хорошее вино. Чествование бога виноделия Вакха (Бахуса, Диониса) в Риме и Греции происходило еще более бурно. На этих празднествах проститутки играли главенствующую роль. Выбирались уединенные загородные места, где ощущалось слияние природы и человеческого естества. Огромная толпа с факелами и изготовленным солнцем шествовала к месту предполагаемого праздника. Несли сосуды, наполненные вином и украшенные виноградными лозами, корзины с плодами и цветами. Музыканты, играющие на флейтах и цимбалах, мужчины и женщины, наряженные сатирами, фавнами, нимфами, вакханками, — все кипело. Распевали фривольные песни, прославляющие Вакха. Одеты все были таким образом, что обнаженным оставалось именно то, что следовало скрыть. Многие мужчины демонстрировали приставные мужские половые органы, прикрепленные с помощью ремней к бедрам, или несли установленные на шестах гигантские фаллосы. Процессия, придя к месту сбора, водружала изображение Бахуса и приносила в жертву свинью. Вот как описывает Апулей в «Золотом Осле» вакханалию: «Под влиянием обилия винных возлияний, усилившихся криков, неумеренных восторгов, общения двух полов, являлось чувственное возбуждение, и безумие охватывало жрецов этого гнусного божеества. Каждый из присутствующих поступал на людях так, как если бы он был один в целом мире, самые позорные акты разврата совершались на глазах нескольких сот зрителей. Нагие женщины бегали взад и вперед, возбуждая мужчин телодвижениями и бесстыдными предложениями. Мужчины в эти моменты не заботились о том, что делали в этих собраниях их жены, сестры и дочери; бесчестье не трогало их, так как оно было взаимным, — словом, нет ни одного вида разврата, который не культивировался бы здесь с новой утонченностью».

Французская аристократия изучила наследие античных авторов и была хорошо осведомлена, как именно проходили эти празднества. И то, о чем Апулей пишет с отвращением и ужасом, галантное общество привлекало и воодушевляло. Естественно, во Франции XVIII века празднества в честь Приапа и Бахуса наделили совсем другим значением. Античные действия взяли за образец и наполнили иным содержанием. Не язы-

ческая вера в могущество богов заставляла славить их, а предвкушение будоражащей крови игры, запретного сексуального наслаждения. Давайте зададимся вопросом: чем человека привлекают оргии? Своим особым эротизмом. «Нормальный» человек связывает их с развратом и распущенностью. Морализаторство не входит в нашу задачу, тем более мы уже знаем факты, приведенные Монтенем в его рассуждении о нравах. Нас интересует, что происходит с человеком в столь пикантной ситуации. Уже в прошлом XVIII век, несказанно далеки античные времена, а оргии как существовали, так и существуют. Почему? Почему нет недостатка в желающих поучаствовать? Объяснение представляется в том, что человеку свойственно постоянное бессознательное стремление к самопознанию. Участвующий в оргии человек находится на острие чувств, на пределе. Опасность ситуации подогревает, а ее общественная крамольность обостряет чувства, позволяет человеку выяснить свои возможности. Если в древности празднества в честь Приапа и Вакха не вызывали в обществе резкого осуждения, то в Европе в XVIII веке оргии не считались нормальным явлением. Сам факт возможности недозволенного, нарушения социальной нормы возбуждал. Вдохновляло обилие разнообразных сексуальных контактов и воодушевление участников, которое, как электрический заряд, передавалось каждому. Раскрепощаясь и позволяя себе то, чего раньше не смог бы и вообразить, человек испытывал невероятное наслаждение от своих беспредельных возможностей. Нет ничего удивительного, что оргии под любым предлогом практиковались повсеместно среди представителей высшего общества, ищущего все более и более разнообразных наслаждений. Представим себе огромный парк, окружающий замок или дом для увеселений. Тенистые заросли аллеи сменяются полянами, открывающими путь к зеркальным прудам, сбегаящим вниз каскадам и шумным водопадам. Все пространство парка заполнено нарядными дамами и кавалерами. По определенному сигналу вверх вздымаются сотни, тысячи огней фейерверка, фонтаны устремляют ввысь свои воды, сверкающие бесчисленными искорками. То там, то здесь возжигаются костры, озаряя темное летнее небо причудливым светом. Всюду ликование, смех и веселье. Накрытые столики изобилуют яствами, возбуждающими кровь, вина подогревают страсти. Внезапно появляется процессия полуобнаженных мужчин и женщин, несущая впереди огромный фаллос, который устанавливают на особый пьедестал. Начинаются безумные пляски и откровенные призывы к наслаждению. Эротические игры, спонтанно вспыхивающие то здесь, то там, разжигают фантазию, будоражат. И вот уже вся поляна усеяна предающимися наслаждениям парами и группами. В стороне веселые качели, несущие взад-вперед разгоряченную даму. Юбка ее поднялась выше обычного, бедра широко раздвинулись, обнажив разверзнутую плоть. Красавица целенаправленно пытается наехать на выставленный вперед предмет наслаждений, временно предоставленный ей увлекшимся игрой кавалером. Эта шутка раззадорила окружающих — толпа одобрительно подбадривает и сама вдохновляется на подобные забавы.

Разгул оргий и падение нравов — дежурная тема бытописателей во все времена. Да, нравы падают, падают, но никак не упадут. Отчасти потому, что оргии — это не только «тусклый огонь желания», неутоленная сила половых гигантов или потерпевшее крушение «я» ослабевших, но иногда еще и путь к спасению. Макс Вебер, немецкий социолог и философ фантастической эрудиции и остроты, писал об экстазе как о средстве спасения или самообожествления. Он подразумевал, естественно, не продуманную методику спасения, а различного рода способы снятия тормозов: «травка», алкоголь, музыкальное или эротическое возбуждение и... оргии. Почему? Вот пунктир возможного ответа: человек — раб привычки, и в этой осознанной необходимости он счастлив. Сошлемся на А. С. Пушкина: «Привычка свыше нам дана, замена счастию она». Необходимо потрясение, балансирование на грани, чтобы поломать привычную корку представлений и ощутить пульс реального мира, его голую плоть, самую звенящую суть. Реальность должна проникнуть сквозь вату привычки. Оргия может выполнить

эту задачу: столкнуть человека в ужас пустоты, из которой начнется путь наверх, к реальности, к созданию своего «я», не зависящего от канонов среды места. «Есть упоение в бою и бездны мира на краю». «На краю» — вот значимые для нас слова. Пушкин знал это. Дальше, за краем — распад или гибель. Заглянуть туда, в бездну, но удержаться, не упасть.

Изрядно потрудились предприимчивые женщины — сводницы. Они содержали публичные дома и управляли так называемым «Легионом». Каждая женщина этого «Легиона», в свою очередь, состояла в особом списке. Целые каталоги из подобных списков (часто в печатном виде) подробно описывали прелести той или иной особы, специфические наклонности, указывали цену ее ласк. Особенно славился «Легион» мадам Гурдан, в котором наряду с танцовщицами, статистками оперы или Французской комедии, прачками и публичными женщинами «служили» дамы из высшей аристократии — лакомые кусочки для особенно богатых либертенов. Кстати, обращаясь к услугамадам Гурдан, дама могла поправить в силу обстоятельств пошатнувшийся бюджет, вернуть потраченные на что-либо без ведома мужа деньги, избавиться от долгов или получить дорогое украшение.

Супружеская верность мужчины во все времена, прямо скажем, не возводилась в добродетель. А в XVIII веке и вовсе считалась дурным тоном — неприлично было в течение нескольких месяцев оставаться верным своей жене.

Недолго время ласк и пеня
У новобрачных. Гименей
Им преподносит огорченья
Порой быстрее, чем детей.

Ни в чем не уступала мужчине умная женщина, знающая себе цену, она не ограничивалась благосклонностью мужа и всегда находила способ привлечь к себе внимание сразу нескольких мужчин. Таким образом, адюльтер обычно рассматривался как продолжение светской жизни. Вот пожелания одной жены:

Глухой и глупый добрый муж,
Ах, был бы ты и нем к тому ж.

Поэты любили подшучивать над незадачливыми мужьями и оправдывать жен. Ну, действительно, как тут не впасть в грех?

Рене лишал жену прав Гименея
Семь дней. Она на ложе битый час
Под храп супруга на смыкала глаз
И, наконец, ворочаясь и млея,
Туда попала вскинутой рукой,
Где зверь дремал, боюсь сказать какой.
Тот вмиг воспрял помимо всякой воли.
Жена вздохнула: «Боже, до чего
Естественности у зверюги боле,
Чем у хозяина его».

И сводницы в таком случае рады услужить. Благодаря рвению сводницы могло состояться свидание с понравившейся дамой, которая, в свою очередь, тоже испытывала потребность хоть раз в год отдохнуть от супружеского счастья. Сводница помогала устроить галантный ужин с изысканными блюдами и возбуждающим вином. Впрочем, богатый либертен и сам сумеет все организовать в специально нанятом для этой цели особняке, отдав лишь приказания слугам. «Анри давно наблюдал за этой женщиной, женой графа де Жульен. Она была незнатного происхождения, но ее привлекательность и даже легкий налет вульгарности так в свое время взбудоражили графа, что тот сдуру на ней женился, перессорившись при этом со всей своей родней. Бедный граф ее болез-

ненно ревновал, да и не без основания, видимо. Конечно, граф был уже немолод, но предположить, что он потерял интерес к интимным забавам, было бы несправедливо. Анри сочувствовал графу, но мысль завладеть его женой становилась день ото дня навязчивей. Наконец он решился и через мадам Клико сделал предложение вместе поужинать. К его удивлению, она быстро согласилась... Она сидела напротив него и ласково улыбалась. Ее не смущали ни богато накрытый стол, ни лучшие вина, доставленные специально для этого ужина, ни жемчужное ожерелье, которое он ей преподнес в начале их знакомства. Казалось, и само свидание ее не слишком занимало. Она поддерживала беседу лениво и нехотя, но временами как-то забавно усмехалась. Анри был сбит с толку. Предположим, богатством ее не удивишь: граф и так на нее ничего не жалел. Само свидание не вызывало в ней никакого не только намека на смущение, но Анри готов был признать, что он сам был немало растерян. Не придумав, чем же расшевелить странную гостью, он предложил ей пройти в спальню, и она туда направилась, как ему показалось, с излишней поспешностью... И только утром он уже ясно понял, что привязан к этой особе прочно и надолго. Он видел перед собой по очереди то ребенка, то разумную женщину. Она разыгрывала то умницу, то чувствительную, то была развратной, вульгарной и резкой, то становилась слабой и нежной. Он наслаждался покорностью рабыни из восточного гарема и чувствовал себя султаном. Внезапно и неожиданно для себя он принимался улаживать капризы избалованной красавицы. Да, там была не одна женщина: каждое удовольствие доставляла ему новая возлюбленная. Он видел, как с ловкостью режиссера она устраивает новые ситуации и как ей нравится их создавать».

Прекрасны прогулки по саду наслаждений...
Но протянешь руку и почувствуешь пустоту —
сад стоит над бездной.
И дождь всю ночь. В рассветном
запустенье,
Когда продрогшим мостовым тоскливо,
Неутоленных тел переплетенье
Расторгнется тревожно и брезгливо,
И двое делят скорбно, сиротливо
одну постель и
Ненависть навеки.
Тогда уже не дождь — разливы...реки...

В буквальном переводе последняя строка звучит еще сильнее: «Тогда одиночество разливается реками...» В одной старой книге сказано, что всякая тварь печальна после соития. Призрак слияния единой плоти тает, отчуждение поражает ждавших экстаза соединения. И тогда, в безумном порыве, зов плоти и томление души гонят тебя на гору, на вершину — еще и еще, больше чем еще.

На эту же гору карабкается и скучающий маркиз де Сад. Да, есть еще одна сторона чувственной природы человека, без упоминания о которой наше представление об эротике Франции XVIII века было бы неполным. Существует некая связь между насилием и эротическим чувством. Изящный, легкий, капризный Эрот не всегда был таким, это заслуга эллинистической поэзии. У древних Эрот — властная мировая сила, владыка ключей эфира, неба, моря, земли, царства мертвых и тартара. Когда-то, лет двадцать назад, журнал «США: политика, экономика, культура» опубликовал интересную статью, в которой обсуждались принципы образного строя рекламы и его воздействие на зрителя или, лучше сказать, потребителя. Так вот, потребитель выбрал картинку, где обнаженная женщина, стоя в совершенно невинной позе, держит в руках скромный венок. Америка 80-х годов уже не удивлялась виду обнаженной дамы, ведь сексуальная революция 60-х годов давно «семечки сеяла». Это романтики начала XIX века могли еще сказать: «Чудо обнажения, чудо близости...» Так почему выбрали именно эту рекламу? Ведь, кроме фигуры, на ней ничего не изображено, только невзрачный веночек в

руках. Но если к нему приглядеться... Оказывается, что сплетен он не из ромашек, а из человеческих фигур, причем в самых невероятных позициях по отношению друг к другу. Главное же состояло в том, что исследуемым давали взглянуть на рекламу лишь мельком, 10-20 секунд: взгляд на бегу, из машины, торопясь по делу. Значит, происходит мгновенное восприятие: вне логики, автоматически, на уровне рефлекса, сразу и фиксация, и усвоение. Выходит, подсознание человека «готово» принять «темную» информацию. Оно не отторгает ее как нечто чуждое, неорганичное. А маской для нее служит вполне привлекательная дама. Стало быть, действительно, «сад наслаждений» стоит над бездной, над соблазном, над тщетой. Надо удержаться, остановиться. Но как понять, где бездна, где грань, за которой пропасть? Заглянуть в себя, ибо бездна именно там.

И действительно, давайте представим, куда можно прийти, взбираясь по лестнице наслаждений? Доведенная до абсурда утонченность порождает причудливую гамму ощущений, вскрывая в человеке первоначальные инстинкты, которые диктуют: подавляй и обладай. В обществе, превозносящем наслаждение, закономерно рождается человек, для которого наслаждение — смысл всей жизни. Причем наслаждение преступное — то, которое человек обычно либо подавляет в себе разумом, либо не подозревает о возможности его существования. Речь идет о маркизе де Саде. С именем его связано слово «садизм», а личность его внушала современникам ужас и отвращение. Отверженный и не понятый своим временем, маркиз де Сад заинтересовал психоаналитиков XX века, исследующих природу чувств. Может быть, впервые посмотрели на него не как на злодея, а как на человека, попытались услышать и понять монолог одинокой личности, произнесенный целым хором его героев. Мы не собираемся ни выносить приговор де Саду, ни оправдывать его, а попытаемся понять с его помощью тайную сторону отношений человека к человеку, не зная о которой по меньшей мере неразумно. Маркиз де Сад отважился открыто назвать существовавшее всегда, но в силу разных причин не включенное в систему знаний о человеке. О де Саде сейчас написано немало, и никаких открытий мы с вами здесь делать не будем. И все же нам придется обратиться к его биографии, ибо она в некоторой степени даст представление о нем как о личности.

3. Маркиз де Сад

Уонасьен Альфонс Франсуа маркиз де Сад родился в Париже в 1740 году. Он происходил из знатного древнего дворянского рода. Отец его был дипломатом, а мать являлась придворной дамой принцессы Конде. Вот в доме Конде и родился будущий «носитель зла и порока». О детстве его известно очень мало. Был он достаточно одинок, хотя тянулся к людям и искал возможности общения. Воспитателем маркиза был его дядя аббат д'Эбрей, в доме которого он в это время и жил. Аббат почитал великого Петрарку, о жизни которого он написал замечательное сочинение-исследование. Интерес к личности одного из самых светлых поэтов Средневековья возник у аббата в связи с тем, что среди его предков был некий Гюи де Сад, женой которого была Лаура Нов. Та самая Лаура, которую Петрарка впервые увидел в церкви в Миньоне в апреле 1327 года, та самая молодая женщина, вдохновившая великого поэта к столь высокой лирике. Вот к этому роду и принадлежал аббат д'Эбрей, а вместе с ним и его племянник, прославившийся уже совсем иным образом.

Получив вначале домашнее образование, юный де Сад учится в школе иезуитов, затем в коллеже д'Аркур, в 14 лет поступает в кавалерийское училище. Спустя два года участвует в Семилетней войне и уходит в отставку в звании кавалерийского капитана. Ему 23 года, он молод, энергичен и почти ничем не отличается от своих ровесников из высшего общества, к которому и сам принадлежал. Он, как и положено в этом возрасте, женится. Правда, выбор спутницы жизни сделали за него родители. Рене-Пелажи Кордье де Лене де Монтрей хоть и не отличалась знатным происхождением, но была богата. Близкое общение с женой преподнесло ему первый урок, касающийся семейной жизни. Маркиз обнаружил, как скучна и пресна добродетель. Он не лукавил перед собой и, по-видимому, не старался привыкать к неизбежной скуке, а открыто восстал против нее и стал искать возможность разнообразить свою жизнь. Судя по всему, жена отнюдь не была его врагом, напротив, она покрывала преступления мужа, ей он был обязан бегством из тюрьмы, когда в очередной раз там оказался. Мадам де Сад просто не могла разделить взглядов мужа, но, будучи преданной и верной женой, она спасала его в течение почти всей своей жизни. Иными словами, она являла собой как раз ту самую добродетель, против которой и восставал маркиз. Маркиз не проявлял ни малейшей благодарности, но, видя в жене свою безусловную собственность, был к ней вполне расположен. Таким образом, покончив с приличиями семейного человека, де Сад стал активным завсегдатаем публичных домов, где и учинил свой первый публичный скандал. Де Сада заключают на пятнадцать суток в тюрьму, а содержательницам домов свиданий настоятельно советуют отказывать ему в приеме, если он появится и потребует для себя «девицу легкого поведения для соответствующих забав». По-видимому, тюремным властям стало известно о де Саде нечто такое, что их сильно насторожило, раз уж они, не вдаваясь в подробности, разослали такие предупреждения. И действительно, спустя несколько лет, в течение которых маркиз предавался самым разнообразным эротическим развлечениям, произошел еще один инцидент, повергший общественность в крайнее недоумение. В день Святой Пасхи, надев охотничий сюртук, с ножом на поясе и тростью в руках де Сад появляется на площади Виктуар и знакомится там с некой Розой Келлер, вдовой торговца, нищенкой, возрастом около тридцати шести лет. Маркиз уговаривает ее сесть с ним в фиакр и привозит ее в свой дом в предместье Аркей. Тем временем преданный ему лакей, который был его постоянным спутником и участником «приключений», заманил в дом двух проституток, предназначенных для бурного проведения ночи. Пока проститутки находились в ожидании предстоящих забав, маркиз силой заставил Розу Келлер раздеться и, как следует связав, избил ее плетью с узелками на концах. Насладившись видом крови и мучениями несчастной, маркиз отправился к проституткам, в обществе которых веселился до утра. Правда, есть какая-то нелогичность в его поведении. Оказывается, когда он закончил свои

издевательства, то помазал жертве раны и принес ужин. Такая забота вовсе не извиняет жестокости маркиза, но придает ей другое значение. Действительно: какова же цель такого избиения, если в результате оказана первая помощь? Значит, жестокость важна не как самоцель, а как стимуляция чего-то другого, более важного. Можно предположить, что она возбуждает и распаляет эротическое чувство уже сама по себе. Но тогда незачем оказывать помощь жертве и облегчать ее страдания, быть последовательным до конца. Вероятно, ответ на этот вопрос кроется в произведениях де Сада, в которых он старательно пытается объяснить свой внутренний мир. В тот раз перепуганной женщине удалось убежать, а де Сад был арестован, посажен в тюрьму и выпущен только в результате того, что выплатил пострадавшей 2400 ливров. На непродолжительное время маркиз возвращается в лоно семьи, У него уже трое детей, он пытается быть примерным мужем и хозяином, вновь поступает на службу в кавалерию и получает звание полковника. Но, как уже было ясно, такая жизнь не для него, и де Сад опять пускается в новые приключения. Маркиз устраивает новый скандал в публичном доме. Ни о чем не подозревавшие девушки были вначале очарованы столь изысканным посетителем. И напрасно. Усыпив их бдительность и добившись полного доверия, он стал угощать девушек конфетами, содержащими шпанские мушки (вещество, которое, как мы уже говорили, в невероятной степени возбуждает плоть). В результате три девушки погибли. Это уже убийство. Де Сад и его слуга вынуждены бежать, и суд заочно приговорил их к смертной казни. Вместе с маркизом скрывается и его свояченица, младшая сестра жены, на соответствующее воспитание которой он потратил немало времени и сил. После нескольких лет скитания, в течение которых маркиз вел жизнь отнюдь не аскетичную, ему удается вновь вернуться во Францию. Смертный приговор заменен денежным штрафом. И вот теперь, казалось бы, пора смириться с требованиями ответственности, не подвергать судьбу дальнейшим испытаниям, хотя бы быть осторожнее. Но нет! Или: ну уж нет! Неугомонный маркиз организует еще более дерзкий скандал. На этот раз во время бала он отравил шпанскими мушками знатных дам и заставил всех приглашенных предаться сладострастной оргии. Несколько женщин скончалось. Де Сад снова сбежал, при этом на одной из парижских улиц избил хлыстом попавшуюся на пути женщину и вскрыл ей вены. В результате де Сад оказался в тюрьме, из которой вскоре бежал, чтобы вести прежний образ жизни. Мы опустим здесь множество подробностей, они все лишний раз говорят о неумности и настырности маркиза. В 1779 году он вновь заключен в тюрьму в Венсенский замок, а затем в Бастилию. В течение десяти лет тюремного заключения в маркизе медленно погибает прежний неистовый человек и рождается писатель. Свои главные произведения он написал именно в тюрьме. Он мог стать последним узником Бастилии и получить свободу из рук коммунаров, если бы за месяц до 14 июля 1789 года не оказался в доме для умалишенных за то, что из окна тюрьмы выкрикивал, что узников режут. Поэтому маркиз освободился лишь девять месяцев спустя, согласно решению учредительного собрания Республики. Таким образом, Великая Французская революция даровала свободу и маркизу де Саду. Благодарный маркиз включается в революционную работу, ему поручают множество дел, он даже произносит пламенную публичную речь памяти Марата и Лепелетье. На сцене парижского театра он ставит свои пьесы. Он вновь на подъеме, жизнь продолжается и приобретает смысл или походит скорее на фарс? Но вот есть опять же некоторые неожиданные для биографии де Сада детали. Активно служа революции и имея доступ к карательным органам, маркиз спас от репрессий свою тещу, мадам де Монтрей, которую всегда неистово ненавидел, иначе, как «свинным рылом», не называл, и которая всю жизнь его преследовала, помогала упрятать в тюрьму, так как не собиралась прощать разбитую жизнь старшей дочери и соращение младшей. Да и роман с революцией у де Сада длился недолго. С одной стороны, узнав об узаконенном убийстве, де Сад с ужасом отшатнулся от Республики, а с другой стороны, новое правительство с подозрением поглядывало на маркиза. В результате 5 декабря 1793 года его арестовали по прика-

зу департамента Парижской коммуны за «чрезмерную умеренность» и препроводили в тюрьму. Через год, по выходе из тюрьмы, ему удается издать свое десяти томное собрание сочинений, не принесшее, однако, автору благосостояния. Во время правления Наполеона де Саду особенно не повезло. Он рискнул даже послать Бонапарту свои книги («Жюстину» и «Жюльетту»), но, прочитав две страницы, Наполеон с отвращением бросил их в огонь. В 1801 году у де Сада конфисковали все издание, а самого отправили в тюрьму. А с 1803 года до конца жизни его держали в доме для умалишенных в Шарантоне, притом врач больницы постоянно утверждал, что с рассудком маркиза все в порядке и что он абсолютно здоров. Умер де Сад в 1814 году после непродолжительной болезни.

Всю жизнь де Сад настойчиво утверждал свое право на наслаждения, которое, однако, никак не вязалось с элементарными нормами человеческого общежития. Он видел в себе нечто такое, что, если вытащить его на свет божий, сделает переворот в умах человеческих и заставит людей взглянуть на сексуальность не только как на источник счастливых удовольствий. Страшную, недобрую силу таят в себе недра человеческой психики, связанные с эротизмом. Воля и власть над подобным себе существом приносит, оказывается, не только материальные и социальные выгоды. Высшее наслаждение — обладать самим этим существом, распоряжаться им по своему усмотрению. Для этого удовольствия согласия партнера не требуется, а его воля и желания не должны учитываться. Партнер — это жертва, ей навязывают наслаждение, у нее не может быть права выбора. Физическое истязание при этом не является самоцелью. Возбуждает не жестокость сама по себе, а сознание властия над жертвой, которое возникает тем сильнее, чем она беззащитнее. Жертва имеет, конечно, право на сопротивление и отпор, но тогда она становится менее привлекательной и сам палач теряет к ней интерес. Но если жертва понимает безвыходность своего положения, если ее воля сломлена, ситуация приобретает безусловную эротичность. В этом случае палач вправе по своему усмотрению распоряжаться судьбой жертвы: карать или миловать, наносить раны или залечивать их. Но сломить физически или нравственно жертву — не бог весть какая заслуга, добиться страха и безусловного подчинения — тут много ума и не надо. Поэтому высшее удовольствие «по де Саду» в том, чтобы сломленная жертва стала охотно сама помогать палачу и способствовать собственному угнетению. Мало того, что жертва покорилась и механически выполняет требования палача. Ее надо заставить изменить свой образ мыслей, свои убеждения, сформированные в течение долгой или недолгой жизни. И главное здесь — развенчать добродетель, то есть доказать хрупкость и неестественность лучших человеческих проявлений. Не случайно для либертинажа подбирались жертвы из числа наиболее чистых и добродетельных людей, молодые девушки и юноши из порядочных семей, дети, далекие от разврата мужчины и женщины, собственные жены и дочери. И надругательство над их невинностью, над человеческой порядочностью и честью являлось основной задачей. «Дабы объединить инцест, адюльтер и святотатство, он входит в зад к своей дочери с помощью облатки». Приобщить к разврату, навязать его в самых немыслимых формах — какое же это острое ощущение! Насыщаться видом попираемой невинности и стыдливости — как это щекочет нервы и возбуждает кровь! Наслаждаться человеческим смятением, страданием от вынужденного совершения неестественного для себя действия. Согласитесь, веселые оргии в честь Приапа и Вакха куда более безобидны. Но бывает, что юное развращенное существо с легкостью сбрасывает груз, навязанный родителями и церковью, и свободно расправляет крылья, собираясь улететь в страну грез и наслаждений: «Клянусь честью, добродетель мне не нужна; я не чувствую ни малейшей склонности быть непорочной, но, напротив, сильную предрасположенность к пороку». И вслед за этим получает одобрение самого гения порока: «Ближним всегда помогают из кичливости, а не из стремления к добрым делам. Пусть очаг чувствительности возжигает одни лишь наслаждения. Предайтесь им полностью; пусть это будет единственным блаженством ва-

шей жизни, ему одному юная девушка должна подчиняться, и в ее глазах не должно быть ничего более святого, чем наслаждение». Де Сад видел, что порок, открытый, не томящийся в недрах совести, может быть привлекательным и возбуждать к себе интерес. Добродетель в силу своей каноничности приедается, а порок, способный к безграничному развитию, открывает все новые и новые возможности чувств. Вот пример заочного знакомства с виртуозом в области порока, неким Долмасье: «Он — всем известный атеист, самый безнравственный из мужчин... О, это наиболее жестокая и испорченная личность, какая могла бы существовать в мире». И ответ дамы, готовой вступить с ним в любовные отношения: «Как это все меня возбуждает! Я буду в восторге от этого человека». К образу, созданному при помощи описания вкусов, привычек и внутреннего мира, прибавьте еще внешнюю красоту и обаяние. Но либертены далеко не всегда у де Сада привлекательны внешне. Можно встретить и такого сладострастника: «Он был покрыт волосами как сатир; у него была плоская спина, дряблые и отвислые ягодицы, напоминающие скорее две тряпки, болтающиеся сверху бедер». Де Сад не стремится замаскировать порок в прекрасные одежды, он не любит пороком, но утверждает, что эта страшная сила естественна, стало быть, человек имеет право быть таким. Существует и природный закон: сильный всегда попирает слабого. Ситуации, созданные художественным воображением де Сада и описанные им в романе «120 дней Содома», демонстрируют как раз полную зависимость жертв от воли господ (в данном случае либертенов), но воли не беспорядочной, основанной не на стихийном порыве «что хочу, то и делаю». В воображаемой стране, созданной искусственно, в недостижимом для посторонних месте, в своеобразном изолированном городе-крепости существуют только механические законы. Устав «государства» регламентирует права и обязанности своих жителей. Строгая иерархия, установленная в таком кодифицированном обществе, не предусматривает переход из одного класса в другой ни при каких обстоятельствах. Жертвы должны оставаться жертвами, а господа — господами. У жертвы нет права выбора даже в удовлетворении элементарных потребностей человеческой природы. Не только время сна, подъема, приема пищи определяется уставом, не только, что именно есть, но и то, есть или не есть поданную пищу. Питание жертв обильно, так как для сластолюбцев выращивают ценную породу людей с пышными формами. Чувство голода или сытости не играет никакой роли, вопиющая несовместимость продуктов не принимается во внимание, а даже, напротив, намеренно культивируется, поскольку страдания жертвы от расстройства пищеварения дают дополнительное удовольствие господам, предоставляя возможность использовать еще один способ извращенного сексуального наслаждения. Понятно, что жертву не спрашивают о готовности к получению эротических удовольствий. Начиная с ежедневных уроков мастурбации и заканчивая участием в коллективных оргиях, роли в которых расписаны и режиссура строго выверена, жертва обязана испытывать наслаждение, независимо от физического и душевного самочувствия. Жертва лишена голоса, она должна чувствовать себя на одной ступени с животным, так как животное на вербальном уровне лишено самой природой возможности общения с человеком. Итак, сознание безграничной власти над партнером рождает эротическое чувство. Но такое чувство коренным образом отличается от того, которое появляется благодаря взаимному согласию партнеров. Как мы уже утверждали, эротика — это слова, вещи, контекст, намеки. Ничего подобного в государстве де Сада вы не увидите. Никакого стриптиза, медленного раздевания, никаких намеков и инсказаний. Никто не будет ухаживать, любоваться красотой тела, одежды, голоса. Грубый приказ — и все. «Задрать юбку!», «Снять штаны!», «Подставить зад». Эротика, открытая де Садом, утвердительно и комбинаторна. Она образует новый язык, состоящий не из слов, а из действий, из преступлений, со своим кодом любви. Практика Садовских наслаждений пронизана идеей порядка, любые беспорядки подлежат неукоснительному исправлению.

Сладострастие не должно быть хаотичным и безудержным. Либертен не может потерять голову, увлечься настолько, чтобы вспомнить о естественных человеческих чувствах. По Садовской теории, человек в мире бесконечно одинок, и, следовательно, его природе чужды движения в сторону другой человеческой души. Любой контакт двух людей спровоцирован корыстным интересом. А так как либертены уровня де Сада богаты и, соответственно, независимы, то любые услуги они приобретут за деньги, и лучшие порывы человеческих сердец им не потребуются. Итак, эротический код, выработанный де Садом, представляет собой некую систему единиц, именуемых позициями, операциями, фигурами, эпизодами, сеансами. Все эти единицы подчиняются композиционным правилам. Например, одно из них — правило исчерпания. Во время одной операции должно быть употреблено максимальное количество положений. Все участники оргии действуют одновременно и используют все эротические места. Создание такой емкой фигуры во время оргии сопряжено со всеобъемлющим характером либертинажа. Простой и отдых не приветствуются. Все время жертву должны преследовать. Другой вариант — проповеди или «травля», то есть непрерывная череда притеснений, которым либертен подвергает своих подданных. Второе правило — правило взаимности. Всякая фигура может быть перевернута, ролями можно обменяться. Каждый может быть агентом и пациентом, бичующим и бичуемым, копрофагирующим и копрофагируемым, содомирующим и содомируемым, субъектом и объектом. Это условие распространяется и на господ, и на жертвы.

Какова же все-таки цель существования такого государства? К чему можно прийти, если следовать всем правилам и законам, так хорошо отлаженным? Понятно, что вся система рано или поздно приведет к уничтожению жертв, ну а потом взаимно изведут себя и палачи. Последний оставшийся будет одинок, и наслаждаться ему придется своим одиночеством. Следовательно, система должна пополняться жертвами, то есть поглощать все новые и новые объекты. Таким образом, расширяющаяся система стремится к уничтожению окружающего мира, если у нее нет географического ограничения, а если она ограничена, то она поглотит сама себя. Путь этот был продуман и понят еще в глубокой древности. Люди давно знали, что дружба Эроса с Танатом ничему хорошему бога любви не научит, но они по-прежнему вместе. Поэтому «сад наслаждений» стоит над бездной, переступать границ которой не стоит.

Нам, пожалуй, пора отойти от опасного края и вернуться туда, где «целый век играет музыка» и «где пьют и плачут, любят и страдают». Любят и страдают всегда, в любом веке. А что может принести новое время в отношения двоих? Есть ли такие проблемы, которые окончательно разрешились? Увы, каждой паре любящих приходится решать все заново. Может быть, оттого, что живое чувство невозможно заключить, как в прокрустово ложе, в механическую систему и научиться ею пользоваться, подобно тому, как мы учимся управлять машиной.

И в конце XX века в России так же, как и во Франции XVIII века, два одиноких человека в одной постели мучаются над тем же насущным вопросом, что и их замечательные, много постигшие в искусстве любви предшественники. «Давай выпьем! Как сейчас, многого не помню. Не до разглядываний было, разглаживаний и засосов. Не помню, как начал, только пил и урку международного вспоминал. Тот учил меня, что каждая баба вроде спящей красавицы, и нужно так шарахнуть членом по ее хрустальному гробику, чтоб он на мелкие куски разбился и один кусочек — осколочек у бабы в сердце застрял, а другой у тебя в залупе задумался». Догадываюсь, что некоторые читатели поморщились от такой лексики. Да и при чем здесь Франция и Галантный век? Но мне все же хочется обратить ваше внимание на то, что в другое время и в другой стране, в среде скорее уголовной, грубый, простой человек чувствует: не так-то все просто, любовная материя-то тонкая, нежная, и есть секреты, которые непременно нужно понять, а иначе акт любви будет лишь животным совокуплением.

«Взял себя в руки и чувствую такую ебитскую силу, что забиваю не то чтобы серебряным молоточком, а изумрудной кувалдой заветную палочку. И что не хуй у меня, а целый лазер. И веришь, что не двое нас, чую, а кто-то третий, не я и не она, но с другой стороны — мы же сами и есть. Ужас, кошмар, я тебе скажу, — было страшно. Вдруг отскочит мой единственный от ее хрустального гробика и не совладеет с ее фригидностью? Чтоб она домоуправшу нашу прихватила, погань. Как сейчас, многого не помню, но додул все ж таки, что не долбить надо, как отбойным молотком, а тонко изобретать. Видал, в подарках Сталину китайское яйцо? А в нем другое, а в другом еще штук десять. И все разные, красивые и нигде не треснутые. Видал. Так вот, додул я, что пилить Владу Юрьевну надо ювелирно. А она, в натуре, как рыба дышит, ровно, без сочувствия. «Вот видите, — говорит, — Николай, вот видите?» И я чуть не плачу над спящей царевной, но резак мой не падает. Век буду его за это уважать и по возможности делать приятное. Отчаялся уже я совсем в сардельку, блядь. И вдруг — что я слышу и чую:

— О, Николай! Этого не может быть! Этого не может быть! Не может быть! Не может быть! — и все громче и громче, и дышит, как паровоз «ФД» на подъеме, и не замолкает ни на секундочку.

— Коля, родной мой, не может этого быть! Ты слышишь, не может!

А я из последних сил рубаю, как дрова в фильме «Коммунист». Посмотрите его, посмотрите обязательно, Кирюха. За всех мужиков земли и прочих обитателей миров рубаю, и в ушко ей шепчу, Владе Юрьевне: «Может, может, может!» И вдруг она в губы мне впиалась и закричала: «Нееееееееет!» И в этот момент я с копыт очухиваюсь — у нее глаза закрыты, бледная, щеки горят, лет на десять помолодела. Лежит в обмороке. Слезаю, лег рядом, обнял Владу Юрьевну и думаю: теперь только ядерная заваруха может нас разлучить, а никакое другое стихийное бедствие... Спрашиваю:

— Ну как, Влада Юрьевна, может это быть?

— Нет, — говорит, — не может. Нет, это не для людей такое прекрасное мгновение, и, пожалуйста, не говори этого ужасного слова «кончай», когда имеешь дело с бесконечностью.

О чем мы еще говорили — тебе знать не хера. Интимность».

Сквозь этот вульгарный язык, лагерный сленг пробивается что-то такое естественное, целомудренное и вырастает до высокой поэзии, до непостижимой бесконечности. Еще древние увидели двойственность человеческой природы. Мифологическое существо Пан — полузверь, получеловек — символизирует это двойное начало в людях. Древние намекают нам, предупреждают об опасности нарушения этого равновесия. Смысл цивилизации в том, чтобы сохранить его, чтобы человек не отрекся ни от плотского, ни от духовного. Отношения между мужчинами и женщинами могут быть здоровыми и радостными, а мысли о сексе — без ореола постыдности. Именно Франция XVIII века, как никакая другая страна, развила созданное еще в античные времена изумительное искусство любви, узаконила и оправдала его перед ханжескими суждениями, аскетизмом святош, глупостью и тупоумием моралистов. Вкус к наслаждениям, пусть даже чрезмерным, стремление к ювелирной тонкости в любовных отношениях, жизнерадостный секс — все это оттуда, из Галантного века.

Давайте пить и веселиться,
Давайте жизнь играть,
Пусть чернь слепая суетится,
Не нам безумной подражать.
Пусть наша ветреная младость
Потонет в неге и в вине,
Пусть изменяющая радость
Нам улыбнется хоть во сне.
Когда же юность легким дымом
Умчит веселье юных дней,

Тогда у старости отнимем
Все, что отнимется у ней.

Наслаждение, изысканность, безудержное веселье и легкая грусть — вот тот нерв, на котором держалась эстетика XVIII века. Эротика глубоко проникла и во все сферы духовной жизни. Ею было пропитано все: театр, литература, живопись, графика, прикладное искусство. На сценах постоянно шли спектакли, в которых подробно воспроизводились любовные сцены. Все писатели Франции в большей или меньшей степени изучали эту сферу человеческой жизни. Вольтер, Дидро, Руссо, Прево, Кребийон-отец, Кребийон-сын создали галерею литературных образов, не скрывающих свои внутренние переживания. Мы назвали лучших, хотя в действительности было немало писателей и поэтов, не оставивших в истории литературы заметного следа, но в то же время весьма популярных в великосветских салонах. Безусловно, мы не ставим перед собой литературоведческие задачи. Отметим лишь характерные черты в литературе эпохи, имеющие отношение к нашей теме.

4. Литература и искусство

Основоположник сентиментальной литературы Жан-Жак Руссо говорил о себе, что с самого раннего детства живо интересовался женщинами и потом всю жизнь находил-ся во власти нежных чувств. Рискуя вызвать к себе отвращение читателей, он призна-вался в рано развившейся склонности к удовольствиям наедине. Он не скрывал, что ему нравилось получать оплеухи от некой мадмуазель Ламберсье, и посвящал читателя в подробности своих интимных отношений с женщинами. Эксгибиционизм, или самооб-нажение, стал откровением в литературе. Руссо открыто говорил о том в сексуальной сфере, что знает каждый человек. Но одно дело знать и молчать, а другое — назвать своими именами. Почему так популярна эротическая литература? Искренность вообще привлекает читателя, он соотносит свои чувства с переживаниями литературного героя и уже не ощущает одиночества. Искренние книги Руссо, представляющие «сочетание чувственности и естественности», многие полюбили. «Я влез на дерево и кидал им пригоршни вишен, а они сквозь ветви бросали в меня косточками. Раз м-ль Галлей, протя-нув фартук и откинув голову, стала так удобно, а я прицелился так метко, что одна пригоршня попала прямо ей на грудь. Сколько было смеху! Я говорил себе:

— Зачем мои губы — не вишни! С какой радостью я бросал бы их вот так!»

Руссо был фаворитом богатых и влиятельных женщин, которые ему покровитель-ствовали. От писателя и требовалось всего — умело разгонять скуку светских дам. Но он страдал от болезни мочевого пузыря, и потому был негоден для галантных отноше-ний. Он не мог служить украшением салонов и будуаров Версаля и покинул свет. Руссо очень много говорил о любви, его сердце переполняли чувства, но в присутствии жен-щин он был неловок, терялся, его охватывало сильное волнение. Может быть, только в такие минуты он чувствовал себя счастливым: «Я пережил невыразимо сладкие мгно-вения. Все, что я перечувствовал, обладая женщинами, не стоит тех двух минут, кото-рые я провел у ее ног, не смея даже коснуться ее платья... Легкий призывный жест, знак пальцем, слегка прижатая к моим губам рука — вот единственные милости, которые я когда-либо получал от г-жи Базиль...»

Вольтер известен как мыслитель, создавший целый ряд философских произведе-ний. По словам Пушкина, «его философия говорила общепринятым и шутивным язы-ком». Появилась озорная, задиристая, эпатирующая публику поэзия, нарушающая са-лонные приличия. Недавний дебютант в литературе вскоре сделался мастером салон-ных стишков и эпиграмм, за одну из которых угодил в Бастилию на 11 месяцев. По мнению Гете, веселые и едкие творения Вольтера, без сомнения, «принадлежат к са-мым лучшим его вещам. В них нет ни строчки, которая не была бы полна остроумия, ясности, веселости и прелести»:

Я в Троицу не веровал вначале,
Но наступил неверию конец,
Когда, мадам, вы предо мной предстали,
Явив собой трех граций образец.

В знаменитой поэме «Орлеанская девственница» Вольтер сорвал завесу ложного благочестия с духовенства, обнаружив его греховность. Здесь и сладострастный монах, мечтающий соблазнить Жанну, и духовник английского рыцаря, волочившийся за да-мами, и миланский епископ, обрекающий свою племянницу на страшную казнь за то, что она не ответила на его домогательства.

Неотъемлемой частью антиклерикальной темы были эротические пристрастия священнослужителей. Духовенство, повсеместно нарушающее церковные запреты и удовлетворяющее свою священную плоть, стало излюбленным предметом насмешки. Многие поэты изошрались в остроумии, высмеивая святых отцов.

Монах вдову, чьих слез не сякнул град,
Утешить взялся чтением псалтыри,
Но ей цветы риторики претят.
Тогда он стал работать, как солдат
Петрония: один, два, три, четыре,
Пять раз. Она все плачет... О Творец!
Ее послал он к черту наконец
И вышел. Тут домашние поспешно
Бегут вослед: «Ну что, Святой отец?»
Он им в ответ: «Вдовица безутешна».

Дени Дидро, узнав изнанку отшельнической жизни, посягнул на сам институт монашества. Отказ от естественной сексуальности неизменно ведет к извращенным формам сладострастия, будь то садизм или патологическое влечение настоятельниц к молодым монахиням. «Дать обет целомудрия — значит обещать богу постоянное нарушение самого мудрого и самого естественного его закона», — так говорит героиня романа Дидро «Монахиня». Подавить сексуальное чувство трудно, поэтому тщательно скрываемые монашеские добродетели постоянно высмеивались.

У нас всегда служанка шутит мило:
Так, взяв мочу больного школяра,
Она ее своею заменила.
Вернув мочу, врач произнес: «Пора
Беременности, вижу, наступила». —
Глаза на лоб полезли у родни
Мальчонки. А мальчонка с миной постной
Просетовал: «Святым отцам все дни
Я говорил, что рано или поздно
Ребеночка мне сделают они».

Поэт Алексис Пирон служил только эросу, за что особо почитался в аристократических кругах. Он перевел «Искусство любви» Овидия и сочинил весьма откровенную оду в честь Приапа. Такая деятельность приносила ему небольшую ренту от мадам де Помпадур, и он был вполне доволен, спокойно попивая искристое бургундское вино и прославляя блага жизни. Он обращался к пикантным темам, высмеивал задорно и лихо наивных простушек и неверных жен, мужей-рогоносцев и сластолюбивых монахов.

Два тезки, Клод из Нижних Альп и Клод
Из города Амьена, поселились
В Бордо, где с Бертой оба так резвились,
Что вдруг у Берты стал расти живот.
Кюре пришел за разъяснением к Берте:
«Чей это плод?» Она в ответ: «Поверьте,
Не знаю. Это роды прояснят.
В грехе замешан этом Клод-амьенец,
Коль спереди появится младенец,
А Клод из Нижних Альп, коль через зад».

Пирон был замечательным последователем Шолье и Лафара — поэтов, стоявших у истоков поэзии рококо. Их стихи — дружеские послания, в меру иронические, в меру гривуазные, славящие вино, любовь, сельское уединение. Вся жизнь представлялась им галантным празднеством с нескончаемым весельем и легкой грустью. О ревность, Купидона дочь,

С глазами зоркими и злыми!
Терзаешь души день и ночь
Ты подозреньями своими.
Когда бы горестных сердец
Не отравляла ты жестоко,

Спокоен был бы твой отец:
Он слеп, а ты тысячеока.

Разумеется, в это время не забывали поэтов Возрождения и античности, в творчестве которых высоко ценили мотивы чувственной любви, наслаждения, приятного безделья. Особенно популярны были Анакреонт, Тибулл, Овидий. Многие обратили взоры на Восток, представлявшийся страной вечного солнца, неги и любви. В грациозно-шаловливых сказочках рококо феи, гномы соседствуют с султанами, евнухами и китайскими принцессами.

Щедрую дань эротическим мотивам отдали почти все выдающиеся художники этой эпохи — Ватто, Буше, Фрагонар, Бодуэн, Ланкрэ. Многие из них писали по заказам богатых либертенов и изображали все стадии сладострастия, фантазии и комбинации любовных утех. Буше, считавшийся «первым художником короля», по заказу Людовика XV написал большую серию картин для будуара маркизы де Помпадур. Он постоянно получал заказы от аристократической знати, от двора, от мануфактуры гобеленов.

Мифологические сюжеты были поводом для изображения обнаженных тел, которые Буше писал в бело-розовой гамме. Многочисленные пасторали иллюстрировали модные для той эпохи мысли о том, что счастливы только наивные люди, живущие на лоне природы и предающиеся любви. Но у Буше мы увидим и житейские сюжеты тривиального в ту пору адюльтера. На картине «Испытание любви» изображена предающаяся неге и сладострастию пара. Влюбленные не видят, что в спальне появился законный супруг, застывший в ужасе и смятении.

Изображение спальни с обязательным ложем для наслаждений, если не на первом плане, то где-нибудь в глубине, очень часто встречается на картинах. Женщина, как правило, либо ожидает прихода возлюбленного, либо уступает нежному, но настойчивому натиску, либо уже в объятиях. Многочисленные гравюры, особенно популярные во Франции в XVIII веке, повторяли этот сюжет, но в сатирическом преломлении. В героях задорных, остроумных, элегантных гравюр каждый мог узнать себя. Эпизоды подглядывания, совращения, неожиданного разоблачения самых интимных сторон жизни, обнажения в присутствии посторонних были наиболее эффектными. Участи рогоносца не избегал практически ни один муж, поэтому эта тема казалась особенно актуальной. Понятной для современников была сцена торговли красавицами в домах увеселений. Зрителя вводят, например, в приемную сводницы. У мадам огромный выбор живого товара на все вкусы. Посетители внимательно осматривают девушек, предназначенных для забав. Пикантные моменты торга вызывают легкое возбуждение зрителя, а отнюдь не возмущение. Гравюры, как своеобразный учебник, демонстрировали все способы и этапы оболыщения, не упуская даже незначительные, на первый взгляд, подробности, будь то ножка повыше колена или обнажившаяся пышная грудь красавицы. Легкий, невинный смех покрывал галантную «непристойность» и являл ее, словно розу без шипов, во всей красе.

Все эти гравюры предназначались скорее для повышения чувственности, чем для осмеяния порока. Их развешивали в спальнях и будуарах, ими украшали стены домов увеселительного свойства. Большинство гравюр было доступно многим, а не только горстке богатых либертенов. Существовало также двойное издание гравюр: «до прикрытия» и «после прикрытия». Своих красавиц художники все же не обнажали полностью. В любой самой пикантной ситуации ее прикрывал какой-нибудь кусочек ткани, прозрачная вуаль, случайно спустившаяся сорочка. Закон требовал небольшой уступки чувству стыдливости, иначе художественное произведение не могло быть выставлено перед публикой. В таком виде гравюры распространялись огромными тиражами. Некоторые либертены хотели «обладать» только обнаженной красавицей, и тогда художники специально для них, по индивидуальному заказу, изготавливали другой вариант гравюры «до прикрытия». Примером такого трюка служит картина Буше «Испытание любовью», о которой мы уже говорили выше.

Для стимулирования эротического чувства служили и многочисленные, искусно исполненные милые мелочи. В XVIII веке было чрезвычайно распространено нюханье табака. Табакерку брали в руки сотни раз. На задней стороне крышки некоторых табакерок располагались подвижные фигурки, которые изображали «непристойные» сценки. Ручка мужской трости могла являть собой интимное место женского тела. Игральные карты, веера украшали пикантные сценки. Существовало множество остроумных эротических игрушек, на первый взгляд вполне приличных и невинных — пастух пастушке преподносит розу, аббат благословляет духовную дочь, но срабатывает скрытый механизм, и роза оказывается Приапом, а благословение — любовной сценой.

Французская революция внесла определенные изменения в эстетику наслаждений. Сначала разбилось хрупкое и уже исчерпавшее себя искусство рококо. А вместе с ним исчезла легкость, улыбка, остроумие, веселая ирония сменилась жесткой сатирой. Основная часть сатирических эскапад предназначалась королю, королеве и их ближайшему окружению. «Французская Мессалина, или Ночи герцогини де Полиньяк», «Любовное бешенство Марии Антуанетты, жены Людовика XVI», «Частная жизнь и безнравственность Марии Антуанетты», «Последний вздох плачущей девки» — перечень названий можно продолжить. Частная жизнь правящих особ стала предметом нездорового любопытства, в нее бесцеремонно вмешивались. Ее грубо смаковали и делали достоянием всех то, что было в свое время священно. В адрес двора летели сатирические стихи, эпиграммы, брошюрки с соответствующими иллюстрациями. Карикатуры на короля, королеву, графа д'Артуа, герцога Орлеанского могли, например, состоять из фаллических атрибутов и обнаженных тел. Разоблачая таким образом разврат двора и высшей власти, народ со своей стороны не сумел противопоставить ничего чистого и целомудренного. Те же самые, но еще более грубые способы и предметы наслаждений. Эротическими игрушками грубого содержания торговали на каждом шагу. Пришедший к власти Наполеон попытался положить конец вульгарной разнузданности, но насадить добродетель силой ему не удалось. А личная жизнь императора стала еще одним сюжетом эротических карикатур. Известна карикатура, разоблачающая его связь с актрисой Жорж. Во время любовного свидания в Тюильри Наполеон неожиданно • упал в обморок, а напуганная любовница дернула за сонетку, забыв о том, в каком виде они оба находятся. На звонок в дверях показалась сама императрица.

Мы завершаем путешествие по Франции XVIII века, изящной и озорной, ветреной и распутной. И напоследок давайте послушаем еще одного героя. «Что же мне оставалось делать, как не идти в Париж? Прихожу. Иду в сторону Нотр Дама, иду и удивляюсь: кругом один бардак. Стоит только Эйфнелева башня, а на ней генерал де Голль ест каштаны и смотрит в бинокль во все четыре стороны. А какой смысл смотреть, если во всех сторонах одни бардаки!

По бульвару ходить, предположим, там нет никакой возможности. Все спуют из бардака в клинику, из клиники — в бардак. И кругом столько трипперу, что дышать трудно. Я как-то выпил и пошел по Елисейским полям — а кругом столько трипперу, что ноги передвигаешь с трудом. Вижу: двое знатных — он и она, оба жрут каштаны и оба старцы. Где я их видел? В газетах? Не помню, короче, узнал: это Луи Арагон и Эльза Триоле. «Интересно, — прошмыгнула мысль у меня, — откуда они прут: из клиники в бардак или из бардака в клинику?» И сам же себя обрезал: «Стыдись. Ты в Париже, а не в Хропунове. Задай им лучше социальные вопросы...» Догоняю Луи Арагона и говорю ему, открываю сердце... а он только на меня взглянул, козырнул мне, как старый ветеран, взял свою Эльзу под руку и дальше пошел. Я опять их догоняю, и теперь уже говорю не Луи, а Триоле... — а она, как старая блядь, потрепала меня по щеке, взяла под руку своего Арагона и дальше пошла...

Потом я, конечно, узнал из печати, что это были совсем не те люди, это были, оказывается, Жан Поль Сартр и Симона де Бовуар, ну да какая мне разница? Я пошел на Нотр Дам и снял там мансарду. Мансарда, мезонин, флигель, антресоль, чердак — я все

это путаю и разницы никакой не вижу. Короче, я снял то, на чем можно лежать, писать и трубку курить. Выкурил я 13 трубок и отослал в «Ревю де Пари» свое эссе под французским названием «Шик и блеск иммер эlegant». Эссе по вопросам любви.

А вы знаете, как тяжело во Франции писать о ней. Потому что все, что касается любви, во Франции уже давно написано. Там о любви знают все, а у нас ничего не знают о любви. Покажи нашему человеку со средним образованием, покажи ему твердый шанкр и спроси: «Какой это шанкр, твердый или мягкий?» — он обязательно брякнет: «Мягкий, конечно», — а покажи ему мягкий, — так он и совсем растеряется. А там нет...

Короче, «Ревю де Пари» вернул мне мое эссе под тем предлогом, что оно написано по-русски, что на французском один только заголовок. Что вы думаете? Я отчаялся? Я выкурил на антресолях еще 13 трубок — и создал новое эссе, тоже посвященное любви. На этот раз все, от начала до конца, было написано по-французски, русским был только заголовок: «Стервозность как высшая и последняя стадия блядовитости», и послал эссе в «Ревю де Пари».

...Язык мой признали блестящим, а основную идею — ложной. «К русским условиям, — сказали, — возможно, это и применимо, но к французским — нет; стервозность, — сказали, — у нас еще не высшая ступень и уж далеко не последняя; у вас, у русских, ваша блядовитость, достигнув пределов стервозности, будет насильственно упразднена и заменена онанизмом по обязательной программе; у нас же, у французов!»

Короче, они совсем засрали мне мозги. Так что я плюнул, сжег свои рукописи вместе с мансардой и антресолями — и через Верден попер к Ламаншу. Я пошел к Альбиону».

А мы с вами пойдем к Альпам и дальше — в Италию.

Италия... С чем мы обычно связываем в своем сознании эту прекрасную солнечную страну? Божественная живопись, неповторимая архитектура, неземная музыка... Жгучий темперамент ее жителей, их решительность и отвага, оптимизм и открытость... Эротические наслаждения жизнерадостных жителей этой южной страны, как вы догадываетесь, ничем не отличались от французских. Да и чем, собственно, она могла бы отличаться? Конечно, Италия была страной довольно бедной, но на жизни высших аристократических кругов эта бедность почти не сказывалась. К тому же она была раздроблена на мелкие княжества, а это значит, что не существовало централизованной власти и королевского двора, который задавал бы тон в модах и развлечениях.

Интеллектуальная и духовная жизнь Италии кипела, развивались наука, искусство, литература. Именно в XVIII веке возникли лучшие театры, в частности знаменитый оперный театр Ла Скала. Знать Италии щедро покровительствовала художникам, поэтам, музыкантам.

Итальянские аристократические круги, во всем следуя образу жизни французского высшего общества, выбирали те же развлечения. Та же роскошь, то же сладострастие, та же погоня за наслаждениями. Например, двор в Сардинском королевстве был точной копией Версальского, хотя и не отличался французской распушенностью нравов. При короле состояло 330 придворных, а годовой расход на их содержание не достигал десятой части доходов всего государства. В Венецианской республике дворянство тоже отнюдь не бедствовало и поэтому вело жизнь беззаботную и веселую. Празднества здесь отличались необыкновенной пышностью, развлечения длились непрерывной чередой. Музыка Мар-челло, живопись Тьеполо, комедии Гольдони придавали блеск и славу отживающей республике.

На примере Италии интересно поговорить о роли церкви в нравственном состоянии эпохи. В Италии, как ни в какой другой стране, было сосредоточено огромное количество людей духовного звания. Только в одной Венеции духовенство насчитывало 40 тысяч человек. В Пьемонте число монахов и монахинь достигало 12 тысяч. В Ломбардии взошедший на престол Иосиф II упразднил многие монастыри, буквально на-

воднившие все государство, и заставил оставшиеся подчиняться местному епископу. Но папам ценой многовековых усилий удалось наконец захватить власть и объединить свои владения, сконцентрировав их в Риме. Таким образом, в центре Италии сформировалось государство с населением 2 миллиона человек, в котором могущество духовенства было неоспоримым. Рим кишел людьми духовного звания, собиравшимися туда по большей части ради карьеры. Место церковного сановника давало немалый денежный доход, а духовный титул всегда мог замаскировать истинные устремления. Высшие церковные власти тяготели, как правило, не столько к Евангелию Христа, сколько к культу Приапа. Огромные денежные средства позволяли им участвовать во всех сатурналиях дворянской знати. В публичных домах предусматривались даже специальные потайные двери, через которые могли войти высшие духовные лица, дабы не компрометировать себя в глазах общества. Наиболее богатые отцы церкви, в основном высшие слои духовенства, имели свои собственные дома для увеселений. Что же до остальных... Противоестественное безбрачие заставляло использовать любую возможность для удовлетворения плоти.

Монастыри, призванные предоставлять уединение и способствовать смирению страстей, зачастую превращались в настоящие дома разврата. Этим особенно грешили женские монастыри. Вот как описывает Казанова обители Венеции: «Приемные этих монастырей и дома куртизанок, находящихся, впрочем, под контролем полицейских шпионов, были местами, где сходилась венецианская знать; и там, и здесь царил одинаковая свобода. Музыка, пирушки, галантность так же мало возбранялись в монастырских приемных, как и в casino (дачные домики)».

Суровые законы камуфлировали непристойное содержание монастыря. Монашески беспрестанно предавались галантным похождениям. Например, по словам Казановы, в монастыре в Мурано монашески пользовались услугами любовников и покидали обитель, когда им вздумается. Благо, запасные ключи позволяли выйти за ворота. Монашески посещали театральные спектакли и иные зрелища, а зачастую и увеселительные дома.

В стенах монастырей кипела не менее интенсивная жизнь, в которой эротические удовольствия занимали отнюдь не последнее место. Опытные монахини совращали вновь постриженных. Особое удовольствие испытывали, развращая невинную девушку, оказавшуюся волею случая в стенах монастыря. Под страхом наказания юная монахиня оказывала интимные услуги старшим сестрам и даже самой игуменье. В ходу был традиционный куннилинг (стимуляция женских половых органов при помощи языка и губ), особенно часто применялась флагелляция в качестве наказания непокорных или ослушавшихся.

Монахини не только участвовали в оргиях, но и сами устраивали их в монастырях, демонстрируя при этом такую изысканную фантазию, какая может родиться в головах только самых опытных либертенов. Монастыри повсеместно становились своеобразными пансионатами для молодых дворянок, которых родственники отправляли туда на содержание, а нередко для того, чтобы избавиться от лишней претендентки на наследство. Служили обители и санаториями для галантных дам, уставших от развлечений и желающих некоторое время пожить в тишине. Вдали от света знатная особа могла разрешиться от нежелательного плода любви или скрыть от общества свое «интересное» положение. В монастыре удобно было пересидеть разыгравшийся в свете скандал, особенно если задето честное имя. Таким образом, в стены монастыря всегда вривалась мирская жизнь, вносящая в обитель смирения суету и смуту.

Именно в монастыре познакомились две героини книги маркиза де Сада «Философия в будуаре» — опытная Сент-Анж и юная Евгения. Графиня Сент-Анж с помощью развратника Долмансе дает уроки сладострастия своей молоденькой подруге. «Это всего лишь наставничество; она — девочка, с которой я познакомилась прошлой осенью в монастыре. Мы проведем вместе два дня... два прекрасных дня; большую часть этого

времени я употреблю на то, чтобы воспитать эту юную особу... Подожди, Евгения, сейчас я научу тебя еще одному способу доставить женщине крайнее наслаждение. Раздвинь пошире бедра. Видите, Долмансе, в таком положении ее анус все также свободен! Можете ласкать его, пока я буду делать то же самое языком спереди, пусть она с нашей помощью придет в экстаз раза три-четыре, если возможно».

Эротика Франции: Галантный век. — СПб.: НРК: М.: ООО «Издательский дом «ОНИКС 21 век», 2003. — 144 с, ил.

Франция, век XVIII... Утонченное наслаждение, сладострастие, блеск, великолепие, роскошь... Век абсолютизма и крайней развращенности... Прекрасный и ужасный век. И именно этому времени мы обязаны укоренившимся в нашем сознании представлением о французском национальном характере — легком, чувственном, темпераментном. Секс для французов — одна из главных составляющих жизни, без него жизнь невысказана, увечна, скучна. А искусство любви отточено и доведено до совершенства. В этой книге раскрываются многие секреты блестящего и утонченного французского эротического искусства.

УДК 930.9

ББК 84(0)5

Литературно-художественное издание
Эротика Франции ГАЛАНТНЫЙ ВЕК

Автор-составитель *Г. Барабанов*

Дизайн обложки *С. Меркулова*

Редактор *Л. Лаврова*

Корректор *О. Подосенова*

Дизайнеры *А Панкевич, В. Антонов* Фотограф *С. Лысов*

ИД № 02795 от 11.09.2000 г.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 04.12.2002 Формат 84x108 У₁₆.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,12. Тираж 10 000 экз.

Отпечатано в ОАО "Иван Федоров". Заказ 2312.

ООО «НРК». 193124, Санкт-Петербург, Синопская наб., д. 34-36, лит. Л.

Тел. (812) 274-95-44

ООО «Издательский дом «ОНИКС 21 век». 105066, Москва, ул. Доброслободская, 5а

Отдел реализации: тел. (095) 310-75-25, 150-52-11. Internet: www.onyx.ru; e-mail:

mail@onyx.ru

Издание осуществлено при участии ООО «Издательство АСТ»

ISBN 5-329-00722-4

© ООО «НРК», текст, оформление, фотографии и иллюстрации, 2003

© ООО «Издательский дом «ОНИКС 21 век», дизайн обложки, 2003